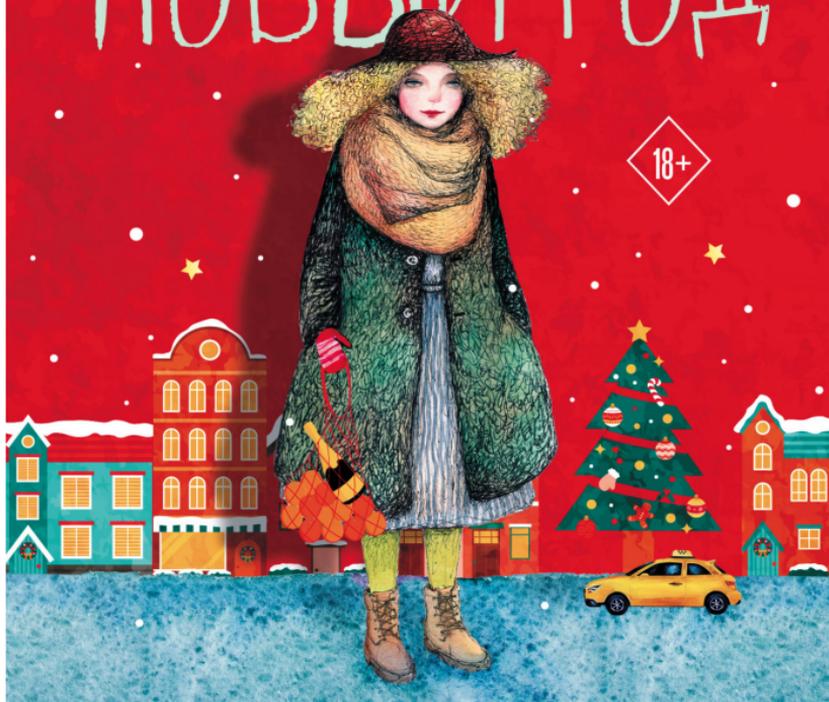

Дарья Волкова
МАНДАРИНКА
на
НОВЫЙ ГОД

18+

Дарья Александровна Волкова
Мандаринка на Новый год
Серия «Романтика с
веселой приправой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68004881

Мандаринка на Новый год: [роман] / Дарья Александровна Волкова:

АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-149883-2

Аннотация

Дар любви – это счастье для избранных. Всем остальным приходится путём проб и ошибок учиться этому магическому дару всю жизнь.

Главная героиня попадает в эпицентр вихря невероятных, ранее не испытанных чувств и принимает их за любовь: наконец дождалась! И оказывается в цепких объятиях страсти, ввергающей ее то в огнедышащий вулкан, то в зыбкую трясиину аномальных отношений. Так любить – всё равно что открыть ящик Пандоры: последствия необратимы и пути назад нет, этот путь нужно пройти до конца.

Содержание

Пролог,	5
Глава первая,	7
Глава вторая,	25
Глава третья,	41
Глава четвертая,	52
Глава пятая,	66
Глава шестая,	78
Глава седьмая,	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Дарья Волкова

Мандаринка на Новый год

© Д. Волкова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Думать, что половой акт – самостоятельная функция, в такой же степени необходимая, как сон и еда, по-моему, есть величайшее невежество.

Мохандас Карамчанд (Махатма) Ганди

Пролог, в котором Николай Самойлов неосторожно проявляет ловкость

В банкетном зале шум, смех, сумятица.

Толпа гостей расступается, и в центре появляется широкоплечий рыжеволосый парень с короткой стрижкой и в тёмно-сером костюме. В его могучих руках изящный букет из бледно-розовых и палевых роз, который кажется совсем крошечным и каким-то даже игрушечным, зато выражение изумления на его лице – совершенно искреннее и настоящее.

– Николай! Ты зачем девчонкам праздник испортил? Какого ляда ты букет поймал? И как ты вообще среди них очутился?!

– Я не очутился! – оправдывается хмуро парень. – Я в туалет выходил. В зал захожу – а оно мне в голову летит! А у меня рефлекс, между прочим! Я восемь лет вольной борьбой занимался!

– Боюсь, что все эти восемь лет тебе не помогут, – засмеялся моложавый отец невесты, – когда девчонки за тебя возьмутся. Ты же у них букет невесты перехватил.

– Да нужен он мне! – Парень оглядывается. Всовывает букет в руки оказавшейся рядом девушке. – На, Соня, держи! Раз он тебе так нужен.

– Я не Соня, я Люба!

– Да какая разница! Букет держи.

Глава первая, в которой Любовь Соловьёва начинает совершать совершенно неожиданные и удивительные поступки

– Я вам точно не нужен?

– Николай, исчезни с глаз моих, пока я тебя отпускаю!

Смотреть на тебя тошно – того и гляди на месте отключишься.

– Да я еще ничего, нормально...

– Вижу я, как ты «нормально». Весёлая у тебя выдалась ночка.

– Ну, по вашим меркам ничего особенного.

– Молод ты еще свои дежурства моими мерками мерить!

Всё, марш домой – отдыхать и к Новому году готовиться.

– Владимир Алексеевич, не надо со мной нянчиться и скидки мне делать только потому, что вы с моим отцом дружите. Я справлюсь. Я в порядке.

– А уж указывать мне, что делать и с кем нянчиться – так это ты два раза молод, ясно? Всё, иди домой. Это приказ заведующего, понял меня?

– Так точно, – со вздохом кивнул молодой ординатор.

- Отцу мои поздравления с Новым годом, Юлии Юрьевне
– сердечный привет.
– Передам.
– Давай! С наступающим, Николай Глебович! Увидимся
в следующем году.
– И вам всего хорошего, Владимир Алексеевич.
Привычно насупившись, Николай Самойлов вышел из кабинета заведующего детским хирургическим отделением.

* * *

- Марк, ты меня обманул!
– Ну что ты, Люба, нет, совсем нет!
– Ты сказал, что мы будем встречать Новый год с твоими друзьями!
– Я сказал, что мы будем встречать Новый год в квартире моих друзей, – оправдывается стройный блондин с тонкими чертами лица. Он обводит рукой пустую гостиную. – Это и есть их квартира. Я не обманул, дорогая моя... – Он попытался погладить девушку по щеке.
– Не передёргивай! – Она отступает на шаг, негодующая и от того еще более красивая. – Я же тебя спрашивала, что за люди, что за компания! И ты мне сказал, что они милые, весёлые и интересные люди!
– Так оно и есть. Они превосходные и занятные люди, – подтверждает Марк. В его тоне откровенно слышится плохо

скрываемое довольство собой.

– Ну и где эти твои во всех отношениях замечательные люди? Они невидимки?

– Встречают Новый год в Финляндии.

– Марк!

– Но что ты так злишься, радость моя? – Он привлёк девушку к себе, несмотря на то что она противилась. – Люба... Люба... Любушка моя... – Марк обнял ее, прошептал на ухо: – Разве это не здорово – встретить Новый год вдвоём? Только я и ты. Я подготовился. В холодильнике шампанское и куча всяких вкусностей. Твой любимый фруктовый салат и взбитые сливки. Я надеюсь, что ты позволишь не только заправить сливками салат, но и слизать их откуда-нибудь... с тебя. – Тут его рука накрывает небольшую, но идеальную грудь под тонким черным трикотажем.

– Прекрати! – Она резко убирает его руку. Слова Марка кажутся ей ужасно пошлыми и вульгарными, но вырваться из крепких объятий у нее не получается.

– Ну, прости, прости... – примиряюще шепчет он. – Но ты же знаешь – я схожу по тебе с ума. Я не торопил тебя – понимаю, что такая девушка, как ты, заслуживает всего: подарков, долгих ухаживаний. Ты должна узнать меня получше, доверять мне. Но, солнышко... – Марк жарко дышит ей в маленькое изящное ушко, – мы уже столько вместе. Мне кажется, пора... Это очень красиво и символично: начать новый этап наших отношений в новогоднюю ночь. Встретить

Новый год в постели. Знаешь, говорят, что как встретишь год, так его и проведёшь.

– Ты отлично сказал о доверии, Марк! – Ей все-таки удастся высвободиться из его рук. – Скажи мне, как я могу доверять человеку, который обманул меня?

– Зая, но это же ради нас...

– А меня спросить?

– Неужели ты совсем меня не хочешь, солнышко?

Такой прямой вопрос в лоб, что не отвертишься.

– Я хочу, чтобы мой друг не обманывал меня! – наконец нашлась она. – А ты мне заведомо солгал! Это нечестно, Марк!

– Заинька...

– Я ухожу!

– Любочка, ну куда ты пойдёшь? – Он попытался ее перехватить, но она ловко увернулась. – Без пяти одиннадцать, ты понимаешь? Останешься без звона курантов.

– Перебыюсь как-нибудь! – бросила она, торопливо натягивая короткую тёмно-коричневую норковую шубку.

– Люба, не дури! До Нового года – час!

– Мои проблемы. – Она застегнула молнию на сапожках.

– Будешь встречать Новый год на улице?

– Захвачу с собой главный символ праздника! – Она выпрямилась и посмотрела Марку в глаза.

– Ёлку?

– Мандарин! – Она взяла из вазы мандаринку, показала

ее Марку и быстро сунула в карман. – Пока! Увидимся, когда ты подумаешь над своим поведением и осознаешь, что обманывать дорогую тебе девушку, даже из лучших побуждений, – нехорошо!

– Люба!..

Но входная дверь прощально хлопнула, и он остался один. Марк разозлился. Вот же стерва! Он привалился к стене. Динамит его который месяц. Но как же хороша! Личико, фигурка, но характер... Темперамент в постели, наверное, бешеный, только ломается долго. Надо придумать что-нибудь другое, чтобы ее в постель затащить. Честно говоря, устал уже ждать, но она определенно стоила потраченных усилий. Марк отталкивается от стены. Надо пойти открыть шампанское. Проводить старый год и заодно пораскинуть мозгами, как же ему все-таки затащить в кроватку неуступчивую красотку Любашу.

* * *

Всё в жизни когда-то случается в первый раз. Например, ты в первый раз оказываешься в последний час уходящего года на улице, в малознакомом районе, без малейших идей, куда идти. А и в самом деле – куда? Дома никого, родители отмечают праздник с друзьями в ресторане. Сестра встречает Новый год у себя дома, с мужем и маленьким сынишкой, да и в любом случае к Наде с Виком Люба до двенадцати не

успеет – это на другой конец города. Домой, в пустую квартиру, торопиться и вовсе не хочется. И что делать? Встретить Новый год на улице, как предсказал ей Марк? А всё он виноват! Интриган чёртов! Если бы предупредил хотя бы...

Если рассуждать хладнокровно, то Марк прав. Их отношения давно пора переводить в горизонтальную плоскость. Хорошо воспитанный, в меру интеллигентный молодой человек из хорошей семьи, симпатичный, умеет красиво ухаживать. Собственно, стоит уже осчастливить парня тем, чего он так хочет. Заслужил, как минимум, своим долготерпением. И она себя настраивала на это. Просто вот так, с бухты-баракты, – нет, так она не может. Для этого нужно же обратиться с духом и признаться Марку, что она... она... она в свои двадцать пять лет девственница! Идиотка, другими словами.

Люба шла по улицам, мерцающим всевозможными новогодними огоньками. Светло как днём, празднично. Удивительно многолюдно. Она даже не представляла, что за несколько минут до Нового года на улицах столько людей. Почему они не дома, не сидят за праздничным столом? Вот почему она оказалась в это время на улице, Люба совершенно точно знала. Из-за Марка! Шагая по незнакомой улице в совершенно неизвестном, случайно выбранном направлении, она размышляла. Как, пропади всё пропадом, она попала в это нелепое положение? Которое, между прочим, с каждым годом всё усугублялось. Если сейчас, в двадцать пять,

ей неловко признаться парню, что у нее отсутствует сексуальный опыт, то что будет в тридцать? Нет, мысль странная, так далеко загадывать не стоит. И вообще, будет день – будет и пища. Надо жить настоящим.

А может быть, решить эту проблему радикально? Люба как-то в приступе ничем не обоснованного мазохизма произвела поиск в Интернете. Угу, нет ничего невозможного в наше время. Но... «искусственная дефлорация» – это звучало ужасно! Еще ужаснее, чем признаться в том, что ты совсем новичок в делах постельных. Нет уж, лучше все-таки как-то... как-то собраться с духом и решиться. Пока не поздно.

Самое обидное, что виновата в этой абсурдной ситуации оказалась Люба сама. Не было никакой возможности обвинить во всем чрезмерно строгих родителей, пуританское воспитание или психологическую травму детства и юности, как это было модно. Фиг вам, что называется. Нет, и родители у нее вполне нормальные, не ханжи, и на тему сексуального воспитания с ней и сёстрами мама говорила. И не только мама, к слову сказать, но и друг их семьи, хороший женский доктор тётя Даша Тихомирова. Уж после ее лекций вопросов точно не оставалось. Только вот теория у Любы кардинально разошлась с практикой. Причём из трех сестёр – только у нее одной. Собственно, если уж говорить совсем откровенно, именно тот факт, что их трое, и лежал, наверное, в основе ее теперешнего дурацкого положения.

Люба хмурится, прячет лицо в широкий ворот пушистой

шубки. Попа и бедра начинают подмерзать в узких кожаных штанишках со щегольским золотистым напылением, но она упрямо продолжает идти, сама не зная куда, думая о своём.

Она обожала сестёр. Представить не могла, что можно жить как-то иначе – когда твоё правое и левое плечо не прикрывает по личному ангелу-хранителю. Ну, или по бесу-пакостнику – это по версии папы. В любом случае, то, что их трое – это было одной из основ ее личной вселенной. Это с одной стороны. А с другой... Ужасно хотелось быть единственной. Хоть для кого-то. Не было ни малейших сомнений в том, что она бесконечно любима родителями. Но она одна из трёх обожаемых дочурок. Одна из трёх.

Она для всех была одной из трёх сестёр-близняшек Соловьёвых.

Сестрёнок Надю и Соню это, похоже, совсем не беспокоило. А вот у самой Любы вызывало неконтролируемое желание чем-то отличаться от сестричек. Быть непохожей. Другой, не такой. Хоть в чем-то, а лучше – во всём. В том числе и... В общем, сейчас она пожинала плоды этого детского желания быть оригинальной, ни на кого не похожей.

Пока Надя и Софья постигали премудрости науки любви плотской, Люба гордо задирала нос и утверждала, что достойных кандидатур нет. Потом вошла в роль. А потом стало просто стыдно признаваться. По современным вольным меркам она была уже старой девой, иначе не скажешь. Когда она представляла себе диалог с потенциальным... избранным.

ком, то даже не могла вообразить, как она это ему объяснит, какими словами. Зато отчётливо представляла, что увидит на лице того, кому выпадет «честь». Жалость, недоумение. Смех, может быть.

Люба поморщилась, представив это воочию.

Именно из-за страха увидеть всё это, в первую очередь – насмешку над собой, она изображала пресыщенность и отсутствие интереса. А на самом деле она просто лузер. Секс-лохушка. Смешно, если кому рассказать. Но она с кем попало этим секретом делиться не собирается, а вот ей самой на эту тему смеяться давно уже не хочется. Ведь не рассосётся само собой. Надо что-то с этим делать. Надо... Но сегодня она в очередной раз струсила.

Нетрезвый голос вывел ее из задумчивости:

– Девушка, а пойдёте с нами Новый год встречать!

Люба усмехнулась. Отшивать на раз, не теряя собственного достоинства и не оскорбляя, – этим навыком все сёстры Соловьёвы владели в совершенстве.

– Простите, спешу к любимому. – Она улыбнулась и действительно прибавила шаг.

– Эх, повезло кому-то! – крикнули ей вслед.

Угу, повезло. Знать бы еще кому.

Налетел порыв ветра, и она зябко поёжилась. Взгляд на часы – половина двенадцатого. Улицы опустели, все разбежались по домам, в тепло, к ёлкам, салату и шампанскому. А она тут, на промёрзшей улице. Внезапно защипало в глазах

и носу. Жалко себя стало просто до слёз. Тут же всплыла в памяти андерсеновская «Девочка со спичками». Как так вышло, что она, Люба, дочь любящих родителей, обладательница двух сестёр, души в ней не чаявших, и кучи друзей и знакомых самых разных мастей, умница-красавица и прочее, оказалась в самый канун Нового года на улице, черт знает где? А где она, кстати? Люба оглянулась по сторонам. Странно знакомый перекрёсток... Напрягла память и зрение, выискивая еще детали в окружающих домах. Точно! Где-то здесь недалеко живут Самойловы!

Милая и интеллигентная тётя Юля, уютный и невозмутимый дядя Глеб, «рыжий орк» Варька, с которой всегда можно посмеяться, и «звероящер» Колька, с которым просто спокойно и надёжно. И тут же ей смертельно захотелось в тепло и уют квартиры Самойловых. Вспомнить бы еще, куда идти!

Еще двадцать минут стремительно уходящего года были потрачены на поиски нужного дома. Попытки дозвониться до Вари или Ника и уточнить адрес не увенчались успехом. Сеть занята, новогодняя ночь вступила в свои права. В конце концов, она нашла нужный дом. Но у подъезда ее поставил в тупик домофон. Помнит этаж. Помнит расположение квартиры, но какой номер? Тут, видимо, судьба решила ее пожалеть, и дверь сама распахнулась перед уже порядком подмёрзшей Любой. Из подъезда вывалился гражданин, явно успевший давно начать празднование.

– Ой, какая снегурка-а-а...

– И вас с наступающим! – пискнула Люба и проскользнула в подъезд. Лифт ждать не стала, что там, четвёртый этаж, делов-то. И по лестнице дробно застучали ее каблукы.

У двери квартиры Самойловых она перевела дух, посмотрела на часы. Без десяти. Отлично, она укладывается. Давя на кнопку звонка, Люба ощущала практически спортивный азарт. Она успела. Успела!

Спустя полминуты от этой уверенности не осталось и следа. Никто не торопился открывать ей дверь. А с чего она, собственно, решила, что Самойловы встречают Новый год дома? Вот в квартире Соловьёвых, например, сейчас темно и пусто. И у Самойловых, похоже, та же самая ситуация.

Люба устало привалилась к стене рядом с дверью. Перспективу встретить Новый год на улице сменил вполне реальный шанс сделать то же самое в подъезде. Здесь, конечно, теплее, но в целом... И вдруг загремел замок, Люба обернулась к двери. Та распахнулась. В дверях стоял звероящер Колька собственной персоной. Звероящер хмуро и недоуменно разглядывал ее, потирая ладонью грудь. На нём были изрядно помятые пижамные штаны в красно-белую клетку. На лице рыжая щетина и тёмно-розовое пятно на плече.

Люба улыбнулась.

– Привет.

– Привет, – невнятно промычал Ник, маскируя своей здоровенной лапищей богатырский зевок.

– Войти можно?

– Угу. – Еще один зевок на грани риска вывиха челюсти.

Он отступил на шаг. Пригласил: – Заходи, Люб.

Она вошла в прихожую, захлопнула за собой дверь.

– А с чего ты решил, что я Люба? – Фраза, в общем-то, дежурная для их троицы.

– Методом дедукции вычислил.

– А ну-ка? – Коля у сестёр Соловьёвых всегда вызывал желание его подколоть, и сейчас она тоже не смогла удержаться.

– Ну Соня, кажется, в Париже, а поскольку рядом нет Витьки, то ты и не Надя. Значит, ты Люба.

– Просто Шерлок Холмс и доктор Ватсон в одном лице! – фыркнула Люба. Станный разговор у них начался все-таки.

А время идёт, она бросила взгляд на настенные часы у Ника за спиной. Семь минут до Нового года. – А что, Витя с Надей, например, поссориться не могут?

– Могут. Они это и делают, по-моему, с завидной регулярностью. Но как бы они ни ругались, Витька свою ненаглядную на ночь глядя из дому не выпустит. Слушай, – Николай, похоже, окончательно собрался с мыслями, – а ты чего пришла-то?

Прямой вопрос. Ответа нет. Лучший способ защиты – это нападение.

– А ты что, спал, что ли?

– Угу. – словно в подтверждение своих слов он разводит руками, а потом поднимает их вверх и сладко, совершенно

по-кошачьи, потягивается. – Спал. Хорошо так спал. Пока меня не разбудили.

Она его почти не слышит. Гадает – свалятся или нет сползшие совсем до границы приличия от потягивания клетчатые штаны. И почему-то вдруг вылезают на первый план детали. На которые ей раньше бы и в голову не пришло обращать внимание. Например, что у него абсолютно гладко выбритые подмышки. И грудь у него тоже гладкая, но это всё же, наверное, от природы, а не от бритвы. А еще – фигура у него просто отличная. На ее вкус, его, конечно, многовато, но многовато соразмерно. Всё, как надо – плечи, руки и даже пресс. На котором, кстати, как раз растительность есть – в виде тонкой полоски тёмно-рыжих волос. Нет, это всё-таки неприлично – так разглядывать парня, тем более что ты его знаешь как облупленного. Или всё же не знаешь?..

– Люб, ты мне так и не ответила: ты зачем пришла? Ты к Варьке? Так ее дома нет, гулеванит где-то, родители тоже в гостях. Я один. Мои завтра, в лучшем случае, к обеду дома появятся.

– Нет, я не к Варе. К тебе. – Люба сама удивилась своим словам. Само вырвалось как-то...

– Да? – Рыжие брови взлетают вверх. – А... зачем?

– Считай меня предвестницей праздника и внучкой Деда Мороза! – Она горделиво вздёргивает подбородок. – А то ты, как я вижу, собрался Новый год проспять.

– Чего я там не видел? – усмехается Ник. – А я устал как

собака. С дежурства.

– Непорядок, Коля! Так нельзя. Смотри... – Люба пальчиком указывает ему за спину. – Через пять минут придёт Новый год, а ты небрит и в одних штанах.

Он поворачивается к часам. Какая же у него шея мощная! И неожиданно красивый профиль.

– И правда. – Николай потирает рукой шею. Бицепс внушительный, однако. – Скоро уже. И чего делать будем?

– Встречать! – безапелляционно отвечает Люба.

Она наконец-то сбрасывает капюшон и снимает перчатки. Засовывает перчатки в карманы шубки. И тут пальцы нащупывают что-то гладкое и круглое. Трофейная мандаринка.

– Ого... – подаёт голос Ник. – А это что?

– Ты о чём?

– Ну-у... – Он делает какой-то неопределённый жест вокруг своей головы. – Что у тебя... с причёской?

– Не нравится? – Она добавляет во взгляд и интонацию надменности. – А говорили, что мне идёт эта стрижка.

– Ну так-то да. – Колька нисколько не обескуражен ее недовольством. – Симпатично. Но всё равно стрижка какая-то... как у мальчишки. Совсем коротко.

Ну да. Очередная попытка быть «не как сёстры». Отца чуть инфаркт не хватил, когда она явилась домой с этой ультракороткой хулиганской стрижкой. «Необычно и стильно» – вынесла вердикт мама. А папа еще целый месяц ворчал и дулся на нее. «Как можно было такую красоту состричь!»

Да элементарно. Зато теперь ее с сёстрами не спутаешь.

– Кто бы говорил, – парирует Люба. – По сравнению с твоими двумя сантиметрами у меня локоны!

– Это точно, – усмехается он, проводя рукой ото лба к затылку по рыжему «ёжику».

Странная у него улыбка. Мягкая и какая-то... словно за ней прячется что-то, какой-то второй смысл. Вот же чушь в голову лезет.

– С наступающим, Самойлов. – Она протягивает ему на раскрытой ладошке ярко-оранжевый мандаринчик.

Ник какое-то время смотрит, наклонив голову, сначала на плод, потом на нее.

– Спасибо. – Он забирает цитрус. – Ну и это... Раз уж пришла. Раздевайся, что ли.

Виной всему Марк и то, какое направление приняли ее мысли благодаря ему в течение последнего часа. Но на слово «раздевайся» в исполнении Коли Самойлова у нее мелькнула совершенно неприличная ассоциация. Никак не связанная с прихожей, шубой и не до конца проснувшимся другом детства. И такая ассоциация ее просто взбесила. Люба тут же решила сорвать злость на отвратительно невозмутимом Звероящере.

– Между прочим, воспитанный человек помог бы даме разоблачиться!

Ни дать ни взять – выпускница пансиона благородных девиц в ней заговорила. И откуда взялась, спрашивается? Вот

и Ник удивился.

– А где ты тут воспитанных увидела? – Колька огляделся по сторонам с намерением пристроить мандаринку, а потом, недолго думая, сунул ее себе в рот, зажал зубами. Выглядел при этом... Ну, а какой спрос со звероящера? Изобразил рукой круговое движение, Люба поняла его пантомиму и повернулась спиной. Он помог ей снять шубку, а от нечаянного прикосновения тёплых пальцев к шее волна дрожи вдруг прокатилась от затылка до самого... до попы, если честно.

– Разуваться воспитанные человеки тоже должны дамам помогать? – Судя по чёткости речи, Самойлов вытащил мандаринку изо рта.

– Дама сама справится, – буркнула Люба, нагибаясь. А когда снова приняла вертикальное положение...

Всё когда-то случается в первый раз в жизни. Например, ты в первый раз в жизни стоишь и смотришь... нет, даже не смотришь – любишься, как парень, которого ты в детстве лупила совком по голове, чистит мандарин. Оранжевый шарик, который занимал всю ее ладонь, в его руках кажется совсем крошечным. Пальцы у него длинные, и он очень ловко ими раздевает мандаринку. Раздевает? Раздевает?! Да что она на этом «раздевайся» заиклилась? Ник между тем пристроил кожуру на тумбочку, развалил очищенный фрукт наполам и одну половинку целиком засунул себе в рот, после чего сразу стал похож на здорового хомяка. Или на страдающего флюсом звероящера.

Еще один тревожный взгляд ему за спину. Три минуты до Нового года!

– Хочешь?

Нет, на самом деле он издал совершенно нераспознаваемую последовательность звуков, но она догадалась о смысле по протянутой ей второй половинке.

– Самойлов, тебя в детстве не учили, что нельзя разговаривать с набитым ртом?

Он отрицательно помотал головой и принялся энергично жевать. Дёрнулся кадык, когда он сглотнул. Все-таки шея у него мощная, наверное, с ее бедро толщиной. Из уголка рта выбежало немного оранжевого сока, он его совершенно по-детски слизнул, параллельно разделявая оставшуюся часть мандаринки на дольки. Люба резко отвернулась, расправляя складки на висящей шубе. Что за хрень с ней происходит, кто ей объяснит?

Она обернулась. Ник методично добивал цитрус и смотрел на нее... как-то странно? Или ей уже всё мерещится? Она снова взглянула на часы за его спиной. Тонкая стрелка отсчитывала последние секунды уходящего года. Двадцать... девятнадцать... восемнадцать...

Она перевела взгляд на Ника. Он смотрел на нее. У него ярко-голубые глаза, особенно яркие на фоне рыжих ресниц. Губы блестят от мандаринового сока. Оголённые плечи, наверное, гладкие и тёплые, а волосы на голове, наоборот, кажутся жёсткими. Десять... девять... восемь... На послед-

них секундах уходящего года она сделала шажок, потом еще один. Закинула руки ему на шею, притянула к себе. Приподнялась на мысочки и поцеловала в мягкие, пахнущие мандарином губы.

Глава вторая, в которой неожиданные и удивительные поступки герои совершают уже вдвоём

Поначалу он, конечно, офигел. Но, к чести Коли Самойлова надо отметить, что пребывал он в состоянии растерянности недолго – инстинкты звероящера дали себя знать. Еще до того, как Люба успела опомниться, спохватиться или хотя бы задать себе вопрос «какого черта она делает?», его руки пришли в движение. Одна легла на ее поясницу, другая на затылок. Он прижал ее к себе, и незаданный вопрос так и остался в глубине ее сознания, там же, где пребывали сейчас и здравый смысл, и прочие рациональные составляющие личности.

Несмотря на отсутствие реального сексуального опыта, в части поцелуев Люба считала себя вполне подготовленной. Более того, она полагала, что умеет это делать весьма неплохо. Оказалось, что и Ник в этом вопросе далеко не лох. Правда, подходы у них были разные. Она любила целоваться медленно и нежно, он же был напорист и настойчив. Но ей это даже понравилось. Понравились тяжёлое дыхание и жадные губы, твёрдая рука на спине и пальцы, гладящие шею. И ман-

дариновый вкус губ. И...

Оглушительно бабахнул первый уличный фейерверк. Они отпрянули друг от друга.

– Господи, почему так громко? – растерянно прошептала она.

– Балкон открыт. – У него хриплый голос и тоже совершенно растерянный вид. И губы припухшие. И он снова тянется к ней, но ей хватило времени, чтобы прийти в себя. Люба слегка отстранилась.

– С Новым годом, Ник! – Голос ее преувеличенно бодр. – В вашем доме есть шампанское? Надо же отметить!

– Есть, наверное... – после небольшого раздумья кивает он. – Я посмотрю. Ты проходи в гостиную. Я сейчас.

В гостиной она устроилась на диване, вцепилась в пульт от телевизора, как утопающий цепляется за спасательный круг. Плазма на противоположной стене зашумела новогодней мишурой и фальшивыми поздравлениями под аккомпанемент фейерверков за окном.

Так, возвращаемся в реальный мир, Любовь Станиславовна, возвращаемся. Что натворила?! Чем думала? У неё чёткое ощущение, что это всё было не с ней. Не она же только что взасос целовалась с Колькой Самойловым в прихожей. Нет, это не она. Она же не могла? Вот так, сама, первая? Да еще и с ним! Зачем, почему? Будто последняя минута уже ушедшего года была не ее, а чужая. Будто не жила в реальной жизни, а играла в Sims. Персонажем по имени Люба Со-

ловьява. Бред. Бред. Бред!

А вот и ее товарищ по бреду появился. В одной руке Ник держал бутылку шампанского, между пальцами другой ловко умещались два бокала. А еще он оделся, и это ее непоследовательно немного расстроило. Однако, увидев надпись на футболке, Люба махом забыла, что хотела сказать до этого.

– Чего ты так на меня смотришь? – Ник поставил бутылку и бокалы на журнальный столик перед диваном.

– Восхищаюсь надписью на майке и твоей скромностью, – усмехнулась Люба.

– А? Что? – Он опустил голову и скосил взгляд. Чертыхнулся. – Да схватил первое, что у кровати валялось. Это мне Рыжий Варвар на Новый год подарила. А ты ж в курсе, какое у нее чувство юмора... специфическое.

На голубой футболке красовалось: «Секс-инструктор. Первые три занятия – бесплатно!»

– Маечка скорее в стиле Виктора. Он же любит футболки со всякими идиотскими надписями.

– Это да, – согласно кивает Ник. – Только, боюсь, сейчас ему за такую майку что-нибудь оторвут.

– Наверное, – с улыбкой соглашается Люба.

– Ладно, я сейчас еще еды какой-нибудь принесу. И будем отмечать.

– Узнаю брата Колю! Как же ты мог о еде забыть?

– О еде забыть невозможно.

В итоге, тарелками с разнообразными закусками он запо-

лонил весь столик в два этажа. Уверенно и ловко открыл бутылку, как положено, с хлопком и дымком, но без преждевременного излияния.

– Ну, с Новым годом?

– С Новым!

Звякнул хрусталь высоких узких бокалов. Люба едва пригубила, но качество напитка оценила. Ник выпил залпом, поморщившись так, будто это водка.

– Коля, кто так пьёт шампанское?

– Как лекарство. Не люблю его.

– А что любишь?

– Пиво, – слегка недоуменно пожал он плечами.

– И почему я не удивлена?

– Слушай, Люб. А скажи мне...

– Ой, а с чем эти тарталетки? – Она мгновенно поняла, о чём он собирается говорить. Нет, это табу, об этом нельзя! Она просто не знает, что ему сказать в ответ.

– Не знаю. С рыбой, кажется, – ответил он слегка раздражённо. – Я так и не понял, что...

– М-м-м, как вкусно! – Она впивается зубами в тарталетку. Действительно с рыбой, и действительно вкусно. Но главное – отвлечь Ника от вопросов. Ну же, Коля, соображай шустрее! Пойми, что эта тема не обсуждается.

– Кто бы говорил. – Николай насупился. – У тебя отец готовит – пальчики оближешь. Мать у него постоянно рецепты выпрашивает.

– У тёти Юли тоже вкусно получается! Попробуй!

– Попробую. А все-таки, что...

– Смотри, какой Киркоров смешной!

– Он всегда такой. Я спросить хочу...

– Коль, налей мне шампанского!

Он тяжело вздохнул, но, кажется, смирился. Налил ей полный бокал шампанского, плеснув себе чисто символически, и принялся за закуски.

Так прошло примерно полчаса. Люба методично уничтожала шампанское, Ник – закуски. Они перебрасывались какими-то репликами, комментируя происходящее на экране телевизора и обмениваясь новостями. Шампанское притупило ее бдительность. И подлый и коварный Звероящер этим не преминул воспользоваться!

– Люб, так что это было, там, в прихожей?

Вот же упрямое животное! Настырный как незнамо кто! Три бокала игристого заставили ее забыть об осторожности и дипломатии. Она не собирается оправдываться!

– Что-что... А так непонятно?

– Да так-то вроде понятно. – Ник смотрел на нее, склонив голову к плечу. Пристально так смотрел. – Но что-то я до конца не уверен, что правильно оцениваю ситуацию.

– Ну, ты и зануда! – Она демонстративно подняла взгляд к потолку. – Коля, это называется по-це-луй! Знаешь, что это такое? Я захотела тебя поцеловать – и поцеловала! Что тут непонятного?

– Нет, всё понятно вроде бы. – У него совершенно непроницаемое выражение лица. – Захотела поцеловать – поцеловала. Это даже я в состоянии понять. И, пожалуй... я сделаю так же.

– Эй! Погоди! Ты не так всё...

Это были последние слова, которые она успела произнести до того, как он вжал ее в спинку дивана и поцеловал.

Самообман, которым она себя недавно успокаивала – что это не она там с ним в прихожей целовалась, что это было помутнение, в прошлом году и, вообще, не считается – этот самообман мгновенно рассеялся. Стоило ему раздвинуть ее губы языком. Нет, это она была тогда. И сейчас она. Она, Люба Соловьёва, целуется с Колькой Самойловым. И ей это – да кто бы мог подумать! – нравится!

Пожарная сирена завывала в голове, когда он накрыл своей ладонью ее грудь и тут же легонько сжал. Это было ужасно приятно. И еще более ужасно неправильно.

– Ник... – Она упёрлась ладонью ему в плечо.

– Да? – Он оторвался от исследования языком крайне чувствительного места на ее шее. – Что такое, Любаш?

Ой, а дышит-то он как тяжело... Давай, скажи ему, что ты не такая. И ждёшь тут трамвая, ага. В его квартире, на его диване, под ним практически. Включай задний ход, пока не поздно! Только вот отталкивать Ника не хотелось. Просто стало снова... страшно. С одной стороны. А с другой... Может быть, это и есть тот самый шанс? Колька надёжный, как

стена, и ей с ним комфортно. Вот ему она доверяет. Марку – не доверяет, а Нику – да. Почему-то. Хотя, разумеется, никогда не думала о нём как о возможном сексуальном партнёре. Но всё когда-то случается в жизни в первый раз, не так ли?

– Ты торопишься, Коля.

– Тороплюсь? – Дыхание у него, по-прежнему, как у ма-
рафонца на финише.

– Совершенно определенно торопишься.

– Хорошо. Я понял. – Он помолчал немного, уравнил дыхание. – Не будем торопиться. – Рука его целомудренно легла на ее талию. – Будем делать это медленно... – Снова наклонился к ее шее. И хмыкнул ей туда совершенно не к месту: – И печально.

Люба в ответ хихикнула. А потом смеяться резко расхотелось. Потом расхотелось делать это «медленно и печально». А захотелось обратно его руку себе на грудь. И желательно сразу под джемпер. И вообще, хорошо бы, если бы он ее по-трогал еще где-нибудь! Но Ник был методичен и верен своему слову. Он ее только целовал – «медленно и печально», мать его! Целовал так, что ей стало казаться, что на ней скоро начнёт плавиться одежда. В кожаных штанишках стало просто невозможно жарко. И она целовала его в ответ. И ужасно хотелось самой ласкать его огромные плечи. Но почему-то не решалась влезть к нему под майку. Ну, он же сам должен первый, в конце-то концов! Кто из них мужик?

Люба не выдержала и выгнулась, прижимаясь к нему. Его

имя пополам со стоном вырвалось совершенно произвольно:

– Ник...

– Что такое? – Он лишь слегка отстранился, и вопрос прозвучал почти ей в губы. – Я снова тороплюсь?

На такое возмутительное заявление у нее не нашлось достойного ответа, и она просто цапнула его за припухшую нижнюю губу. Ник зашипел – от неожиданности и боли.

– Ты что творишь?

– Это ты что творишь?!

Так! Ей уже на всё плевать! Она схватила его ладонь и водворила туда, где ей и надлежало быть. Да мало ли, что она там говорила недавно! Это не считается!

– Ты этим своим «медленно и печально» решил до инфаркта меня довести?!

– Ну, и ничего страшного. Потому что...

Она чувствует, что он улыбается. А еще чувствует, как его пальцы наконец-то начинают гладить ее сквозь тонкий трикотаж, и неосознанно выгибается навстречу его руке. Он прерывисто выдыхает, но фразу упрямо заканчивает:

– У меня по реанимации пятёрка была.

– Да? – Даже удивительно, что она может еще разговаривать, двигать языком, когда все нервные окончания сосредоточены там, под его пальцами.

– Угу. Дыхание рот в рот, не прямой и прямой массаж сердца, прекардиальный удар...

– Сделай уже мне массаж сердца! – вцепившись ему в короткие волосы на затылке, прошептала она.

– Все показания к этому есть. – Он запускает вторую ладонь ей под джемпер.

Она выгибается еще сильнее.

– Заткнись и целуй!

Он хотел было еще повыпендриваться и поумничать, но тут уже она засунула руки ему под футболку, и он заткнулся на вдохе и поцеловал, как его и просили.

– Так, пора менять диспозицию.

Она не имела ни малейшего представления, сколько прошло времени. Оно не отсчитывалось секундами и минутами, оно измерялось жадными поцелуями, торопливыми руками под одеждой, выгнутыми в попытке прижаться плотнее друг к другу телами.

Ник отстранился от нее, пара быстрых движений, и вот она уже верхом на его коленях. Но этим он не ограничился, подхватил ее под попу и без малейших усилий встал. Она же совершенно неосознанно обхватила его ногами за талию. «Как мартышка на пальме», – мелькнула в голове идиотская мысль.

– Куда мы идём?

– Иду только я. В свою комнату. А ты держись крепче.

У него тяжёлое дыхание, но явно не от того, что ему трудно нести ее вот так. Нет, он двигается совершенно без какого-либо напряжения. Все-таки есть прок в том, что Колька

такой здоровенный – идёт со взрослой девушкой без малейших усилий. А дышит он так, наверное, с самого начала года – благодаря Любе. Она усмехнулась своим мыслям. И это было последнее, о чем она успела подумать, прежде чем ее опустили на кровать и принялись за нее всерьёз.

Второй раз пожарная сирена завывала, когда на ней из одежды остались только золотые серёжки в ушах. Правда, скромняга Ник пока не удосужился снять с себя штаны, но за этим дело не станет, как только... Надо же сказать, пока еще не поздно! Ну, нельзя же промолчать?! Он должен знать. Наверное, должен знать заранее. До... Скажи ему, Люба, чёрт побери, скажи ему! Но как же трудно...

– Ник...

Они лежали тесно, близко, пальцы Ника что-то чертят на ее бедре, в опасной близости от того места, где его ждёт... хм... сюрприз. Надо сказать. Надо!

– Что?

Голос Ника прозвучал так, что ее и без того невеликая решимость едва не растаяла. Оказывается, как офигенно звучит голос мужчины в такие моменты – низко и волнующе. И сколько в одном коротком маленьком слове – чего? Желания? Страсти?

– Я хочу сказать тебе кое-что! – прошептала она на остатках смелости.

– Говори.

Пальцы Ника переместились Любе на попу, только вот ей

это лучше соображать никак не помогло!

– Я... я...

Нет, она просто не в состоянии выговорить это! «Я девственница»? Ужасно звучит! «Я невинна»? Еще хуже. «Я де-вушка»? Ни хрена не информативно!

– Что случилось, Люб? Что ты хотела сказать?

И она хватается за мелькнувшую вдруг в голове формулировку:

– Ты будешь у меня первым! – выпаливает она на одном дыхании.

Пальцы Ника замерли.

– Что?

– Ты слышал! – Самое страшное сказано, но отчего-то не легче.

– То есть ты никогда не... Ни с кем не... И сейчас вот... в первый раз?..

– Да! – Она рявкнула громко, не сдержавшись. Стыдно ужасно.

– Угу...

После этого многозначительного замечания он замолчал. Молчал так долго, что Люба поняла: всё, надо вставать, одеваться и уходить. И устраивать свою жизнь так, чтобы никогда больше не видеть Ника Самойлова! И тут он снова заговорил:

– Ты хочешь, чтобы я... остановился?

Отлично! Ему нужен повод сбежать! Оказывается, быва-

ет еще стыднее и унижительнее. Ну уж дудки, она пойдёт до конца, раз уж так влипла!

– Нет. Я хочу, чтобы ты знал.

Он еще раз угукнул. А потом пальцы его снова пришли в движение, да так неожиданно, что она вздрогнула.

– Слушай... – Ник вздохнул. – Раз уж у нас сегодня ночь откровений, то я тоже кое в чем признаюсь.

Она ужасно перенервничала. Именно это, а также, наверное, три бокала шампанского стали причиной того, что ее понесло. И остановиться она смогла далеко не сразу.

– В чем признаться? Ты что, тоже... девственник?

От неожиданности Ник натурально хрюкнул, а потом и вовсе рассмеялся. Правда, быстро справился с собой.

– Это было бы... хм... сильное переживание, думаю. Незабываемое. Для нас... обоих. Нет. – Он еще раз коротко хохотнул. – Жаль тебя разочаровывать, но это не так.

– Что тогда? Что? О господи, не может быть! Ты... ты гей?

– Очень смешно. – Ник обиженно засопел.

– Что еще может быть? Коля, прекрати меня пугать! Ты импотент?

– Ага, – хмыкнул он. – Протяни руку и убедись в степени моей импотенции.

Люба, однако, не рискнула воспользоваться этим щедрым предложением.

– Ну, у тебя еще есть версии?

– Миллион. Но давай ты уже сам скажешь.

– Хорошо. – Ник вздохнул. – Дело в том, что я... слегка негабаритен... в области... хм... гениталий.

– Что? В какой области? – До нее дошло не сразу. – Господи, Самойлов, ты всегда так вычурно выражаешься в постели?

– Я стараюсь быть воспитанным человеком в присутствии дамы!

– Перестарался! Так, погоди. Что это значит? Что значит – негабаритен? Квадратный, что ли?

– Нет, блин! Треугольный! – Похоже, она его все-таки достала. – Я о размере говорил!

– Подожди, дай сообразить. Это что же получается... У тебя маленький... член? Ой, Коль, да не переживай ты так! Для меня это скорее плюс, чем минус.

– Люба... – Он еще раз вздохнул. – Я в обратном смысле негабаритен. Крупно... габаритен.

– О-о-о... – Это у нее вырвалось совершенно произвольно. Она помолчала немного, осмысливая услышанное. – Слушай, может быть, ты себе льстишь, а?

– Нет, – спокойно ответил он, – не льщу. И не горжусь. Просто это... вот так. Я... – Он выдал еще один вздох. – Я, наверное, не самый комфортный партнёр... для первого раза.

Ну почему же всё так сложно! Еще сложнее, чем она себе представляла!

– Ты хочешь, чтобы я отказалась?

– Нет. Я хочу, чтобы ты поняла.

Люба не знает, что сказать. Острое и абсолютно детское желание просто обидеться. На всех. Ей стыдно, неловко, и собственная нагота сейчас становится такой унижительной. А Ник вдруг придвигается чуть ближе, пальцы его сжимаются.

– Похоже, ты не собираешься отказываться, – сказал он негромко ей на ухо. – И я этому только рад...

А потом он ее снова поцеловал. Она думала, что после этого их во многих отношениях странного и непростого диалога ей будет уже не до продолжения. Она просто не сможет, каким бы непоследовательным это ни казалось. Но оказалось достаточным всего лишь поцелуя, его тёплого дыхания, твёрдых пальцев, сжавших попку, и то, что тлело, загорелось вновь – ярко, горячо. Она вжалась в него, закинула ногу на его бедро. Какого черта он еще одет?

– Самойлов, снимай штаны!

– Ну и кто из нас торопится?

– Снимай, я кому сказала! А то я решу, что ты врал и хвастался!

Он усмехнулся, но приказание выполнил. И они перешли к основному действию.

– Ох... – Только так можно было отреагировать на первое проникновение. На это новое ощущение чего-то внутри тебя. Тёплого, живого и чужеродного. Слова ей всегда давались легко, но сейчас она не сразу смогла достойно отреаги-

ровать. – Не такой уж ты и большой, зря пугал. Вполне терпимо.

– Молодец, – немного сдавленно прокомментировал Ник. – Хорошо держишься. А вот так?

– Ох... – Всё-таки непросто быть оригинальной в такой ситуации.

– Нет, это пока не «ох». Настоящий «ох» будет позже. Это пока два пальца. Как ты?

Дышать почему-то трудно. И очень... очень непривычно там. Не больно, но тянет. Растягивает. Но она была бы не она, если бы не пыталась держать марку до конца.

– Коля, прекрати вести себя как на работе!

– Я детский хирург, – хмыкает он. – Чудные у тебя представления о работе детских хирургов. Не соответствующие действительности, я бы сказал.

– Ты понял, о чём я! – Довольно странно пререкаться с человеком, чьи два пальца находятся внутри твоего тела. И тебе это и приятно, и неприятно одновременно. – Перестань интересоваться моим самочувствием и просто... Ох!..

– Это три пальца.

Ее вдруг охватывает непонятное нетерпение, под которым прячется страх. И хочется, чтобы уже скорее это всё случилось и закончилось!

– Ник, может быть, хватит уже упражняться в искусстве устного счета на пальцах?

– Ты думаешь, мне легко? – хрипит он.

– Просто трахни меня!

Его пальцы замирают, перестав двигаться там, внутри. Он шумно выдыхает.

– Воспитанный человек не может отказать даме в такой просьбе.

И вот он уже сверху. Сейчас всё и случится.

Глава третья, в которой наступают последствия поступков героев – неотвратимо и неизбежно, как последствиям и положено

Сначала стало больно. Потом – очень больно. Потом преклось дыхание, и она смогла только упереться ему ладонью в грудь. И лишь после выдохнуть – мучительно, через силу:
– Стой!

Он остановился. В тишине комнаты его дыхание было оглушающим. Словно в такт пульсирующей внутри боли. Чёрт подери, почему так больно?! Вспомнились слова тёти Даши о том, что неприятные ощущения во время дефлорации, как правило, связаны с тем, что партнёрша не готова и нет достаточной смазки. Не ее случай – явно. Как бы Люба ни была неопытна, она понимала: физиологически она более чем готова к тому, что должно произойти, она это просто чувствовала. Так какого же ей так хреново?

Ник шевельнулся.

– Нет, пожалуйста! Не двигайся!

Он даже сквозь туман вожделения услышал панику в ее голосе.

– Подожди. Дай мне... привыкнуть.

Ник вздохнул. Очень тяжело вздохнул. Но замер на какое-то время, нависая над ней. Боль не утихала. Да и какого черта ей утихнуть, если ее источник находился по-прежнему внутри Любы! Она начала дрожать. Господи, лучше уж операция, чем вот так вот!

– Люб, легче не будет. – Голос его звучал сдавленно. – Мы еще... не закончили. Ты еще...

– Нет, погоди, пожалуйста!

– Не вижу смысла ждать. Тебе всё равно больно.

– Нет! Стой! Остановись! Я передумала! – Паника заставила ее почти кричать, упираясь руками в его плечи.

– Поздно.

Он резко двинул бёдрами вперёд, и её ослепила вспышка горячей боли. Настоящей боли. Слезы вскипели на глазах, и она инстинктивно зажала себе рот ладонью, понимая, что сейчас не то что закричит – заорёт благим матом. Несколько секунд она захлёбывалась собственным криком и слезами, а потом Ник так же резко вышел из нее.

Ей стало на какое-то время совсем параллельно на всё – на него, на ситуацию. Важной была только потребность тела свернуться калачиком, прижать колени к животу и дышать, дышать. Упиваясь самой возможностью дышать без боли. И чувствовать, что тебя больше ничего не разрывает изнутри. Что ты снова принадлежишь только себе.

Боль уходила странно быстро, оставляя после себя лишь

тянущее ощущение – как при месячных. И еще – чувство стыда. Мама дорогая, что же она натворила? Пришла к парню, залезла к нему в постель, осчастливила его «высокой честью», а потом устроила форменную истерику. Щеки начали гореть, но она всё же заставила себя отвернуться от стены, к которой прижималась лбом и коленками. Где ее несчастная жертва?

Ник сидел на краю постели, спиной к ней, его широкоплечий силуэт смутно угадывался в полумраке комнаты. Никогда она не бегала от трудных разговоров, и сейчас не будет!

– Ник...

– Да? – Он даже не повернул головы.

– Извини меня.

Он не ответил, и это было ужасно обидно. Но она упрямо продолжила:

– Я понимаю, что вела себя как идиотка. Я сама предложила, и ответственность целиком на мне. Просто... я не думала, что будет так... Извини.

– Перестань. – Он шевельнул рукой и вдруг накрыл ее ладонь своей. – Это ты меня прости. Я должен был остановиться... наверное. Ты же просила. Но уже... не смог. Чёрт! Я знал, что для первого раза я не...

Он резко замолчал. Она тоже не знала, что сказать. Молчание затягивалось, а Люба стала замерзать. И снова вернулась противная дрожь.

– Очень... больно? – Ник первым нарушил затянувшуюся

паузу.

Не собирается она с ним это обсуждать! Слишком стыдно за свою истерику. Не шестнадцать ей лет, в конце концов, чтобы так себя вести!

– Ник, полежи со мной. Мне холодно.

– Конечно.

Он лег рядом, натянул на них одеяло. Но почему-то не оставляло ощущение, что он теперь далеко, очень далеко. А ей хотелось... Толку себе врать! Хотелось тепла, нежности. Чтобы обняли, утешили, пожалели, приласкали. Наверное, нормальное желание для женщины после первой близости с мужчиной. Только вот мужчина, похоже, на эти условия заранее не подписывался. И поэтому он молча лежал рядом, лишь слегка касаясь ее плечом.

Накатывала обида и жалость к себе. Вот же год начался!

– Коль, я, наверное, домой поеду...

– Не глупи, – сказал Ник спокойно. Обидно спокойно для нее! – Смысл сейчас куда-то ехать? Давай завтра утром, а? У меня дома раньше двенадцати никого не будет. Завтра утром спокойно уедешь, чего сейчас ночью метаться?

Обида уже просто комком в горле. И ведь сама виновата! Пока она упивалась жалостью к себе, дыхание Ника стало совсем тихим. Прекрасно! Как и положено бесчувственному животному – после секса тут же заснул. Правда, то, что между ними произошло, сексом назвать сложно, но ей от этого не легче. И тем не менее, несмотря на всю ее обиду, возможно

несправедливую, на парня, лежащего рядом, желание простого человеческого тепла пересилило гордыню. Он спит, и не убудет с него! А ей ужасно хотелось обнять и прижаться, что она и сделала. Аккуратно, стараясь не разбудить.

Ник неожиданно вздохнул, и она отпрянула. А он вдруг повернулся на бок и притянул ее к себе.

– Прости. Я думала, ты спишь, – сказала она невнятно ему в грудь.

– Это ты меня прости. – Тёплые губы коснулись ее лба, и он притиснул Любу к себе еще крепче. – Просто я не знаю, как...

Вот тут ей захотелось зареветь, прямо-таки смертельно. От его жеста и какой-то странной, грубоватой, неуверенной нежности, что почудилась ей в его словах. Она закусила губу, пытаясь справиться с противоречивым букетом эмоций. Это помогло, и слёзы сдержать всё же удалось. В итоге она устроила голову у Ника на плече. Он по-прежнему обнимал ее, и Любе вдруг подумалось, что все вышло не так уж и плохо. Уже ничего не болит, а лежать с ним в обнимку оказалось неожиданно приятным. Чувство неловкости испарилось, хотя, возможно, только на время. И последнее, о чём она подумала, засыпая, как же все-таки хорошо, что это у нее случилось с Колькой. Он свой парень, и с ним не так стыдно. А теперь еще тепло и уютно. На этой мысли она уснула. А Ник еще минут десять лежал, боясь шевельнуть правой рукой, но потом и его сморил сон.

– Ящер, ты охренел!

Именно под эти слова он и проснулся. Лениво открыл глаза и первое, что увидел – рыжая голова любимой сестрицы, торчащая в полуоткрытой двери. Выглядела Варька непростительно жизнерадостно для утра первого января. И была очень громогласна – тоже совершенно непростительно.

Ник попытался встать с кровати и понял, что правую руку не чувствует. И тут же вспомнил, почему именно. Повернул голову. Нет, это ему не приснилось. Ее наследное высочество Любаша Соловьёва мирно спала на его плече. Странно, что не проснулась от Варькиного конспиративного ора.

– Варвар, выйди. – Он старался говорить негромко. – Я сейчас.

Люба не проснулась, и когда он вытаскивал из-под нее руку. Отвернулась к стене, натянула на себя плотнее одеяло и продолжала мирно сопеть. В реальность картины верилось с трудом, но подумать об этом не получалось – за стеной демонстративно гремела чем-то на кухне Варька. Ник натянул штаны и секс-инструкторскую футболку, поднял с пола мобильник. Девять утра. Какого Рыжий Орк явился домой в такую рань?

– Коля?! – Младшая только и ждала его появления на кухне. – Чем ты ее опоил?! Или это наркотики? Надеюсь, ты не совершил ничего противозаконного?

– Чайник поставила? – Он проигнорировал ее вопрос. –

Чего припёрлась ни свет ни заря?

– Это и мой дом тоже! – парировала Варвара. – Не увиливай! Как ты затащил ее в постель? Успокой меня. Скажи, что до насилия дело не дошло!

– Какие еще есть версии у любящей сестры про любимого брата?

– Господи, да я глазам своим не поверила! Ты – и Люба!

– Прекрати причитать, – попросил он, насыпая в кружку растворимый кофе.

– Я умираю от любопытства – КАК?! Как тебе это удалось сделать? Как ты ее уговорил? Что пообещал?

– Если хочешь знать, то она сама! – не выдержал Ник. – Сама пришла! И сама предложила!

Какое-то время Варька так и стояла с открытым ртом. Потом всё же закрыла.

– Да ты гонишь...

– Честное пионерское.

– Быть этого не может! – Варя пришла в себя. – Чтобы Люба – и с тобой! Да еще и сама предложила! Ага, как же, размечтался. Не смей меня. Сестре мог бы и правду сказать.

– А он и сказал правду, – раздался третий голос.

Они обернулись одновременно. В дверях кухни стояла Люба. Первой опомнилась Варвара.

– Привет, Люб. С Новым... годом!

– Доброе утро, Варюш. И тебя тоже... с наступившим.

– Отличная стрижка, Любашик, – Варька поразительно быстро справилась с изумлением. – Кофе будешь? Маман нам торт испекла на утро – творожный.

Пока Варвара ныряла в холодильник, они смотрели – он на нее, она – изучала рисунок плитки над раковиной.

Он прекрасно знал, что девчонки Соловьёвы красивые. Всегда знал. Но именно сейчас он это понял. Почувствовал. Безупречную линию скулы. Черные опухшие ресницы. Губы... Неужели он их целовал сегодня ночью? И странную беззащитность натянутой в повороте головы шеи.

– Люб, смотри какая вкуснотища и красотища! – Варька вынырнула из недр холодильника с тортом в руках. – Ты же без сахара пьёшь, крепкий?

– Да. – Люба улыбнулась, но это была очень натянутая улыбка. – Но я не буду кофе. Спасибо, Варь. Я домой поеду.

– Коля, такси вызови. – Варвар сегодня соображает на порядок быстрее его.

– Не надо! – Люба тоже опередила Николая с ответом. – На улице поймаю.

Варька из приличия попыталась поспорить, он же молчал – понятия не имел, что тут можно сказать.

Неловкие «пока», не глядя в глаза – и вот младшее поколение семьи Самойловых остаётся в квартире уже без гостя.

– Я в душ, – сказал Николай, пресекая новые вопросы сестры.

Но и это не спасло его от еще одной порции расспросов

и разборок.

– Ящер, что это?

Он стоял на пороге своей комнаты в одном полотенце на бёдрах. Его личное проклятие, Рыжий Орк, он же Рыжий Варвар, она же Варвара Глебовна Самойлова, любимая сестра, которую он в возрасте четырёх лет слёзно умолял родителей отдать обратно аисту, – так вот, эта чудесная девушка стояла у его кровати с глазами, распахнутыми на максимальную ширину. И смотрела на... Ник выругался.

– Коля, это то, о чём я думаю?

– Какого хрена ты вообще делаешь в моей комнате? – Он подошёл к кровати и резким движением прикрыл одеялом подсохшее тёмно-красное пятно на простыне.

– Зашла презервативы выбросить – ты ж вечно забываешь. А мама потом расстраивается.

Ник не выдержал и нецензурно выругался. Вот же утро – то одно, то другое! Выходные, называется!

– Я папе расскажу, что ты материшься! – годами отработанным тоном ябеды ответила Варвара.

– Папа тоже матерится, еще хлеще меня.

– Тогда маме расскажу, и вам обоим достанется! – парирует Варька. А потом вспоминает о насущном. И спрашивает как-то совсем растерянно: – Коля, это что, получается, что Люба...

Сначала он только вздохнул. Но потом кивнул:

– Да.

– То есть она до тебя никогда... Люба? А сегодня с тобой?.. Почему?

– Не знаю! У меня нет ответов на твои вопросы! И будь человеком – оставь меня в покое!

Варька иногда и правда могла быть человеком.

– Надо постирать, пока мама не увидела. – С этими словами она сдёрнула простыню с постели, и, свернув и сунув ее под мышку, вышла из комнаты.

Люба не плакала. В конце концов, она взрослая умная девушка. И еще – она получила то, чего хотела. Она решила свою «великую» проблему. А это непонятное щемящее чувство внутри – оно пройдет.

Она не плакала, пока шла по лестнице самойловского дома, а потом по улице. Не плакала и в такси, где ей попался крайне разговорчивый водитель. Впрочем, ей всегда такие попадались. Видимо, всё же во внешности дело – с сёстрами такая же фигня приключалась постоянно. А дома надо было улыбаться родителям, вручать и получать новогодние подарки. И лишь в душе, стоя под тёплыми струями и глядя на окрашивающуюся в светло-красный цвет воду на дне кабины, она все-таки заплакала. В конце концов, она имеет право оплакать свою утраченную девственность. Ну и что, что она сама мечтала с ней расстаться. Всё равно почему-то плакать хочется...

Глава четвертая, в которой герои много думают и вспоминают – им есть о чём подумать и что вспомнить

Второй том «Хирургические болезни детского возраста» был с раздражением отброшен в сторону, на подушку. Надоело. И читать надоело, и Интернет надоел, и вся эта новогодняя атрибутика уже тошноту вызывала. А больше всего надоело безделье. Ему не дали дежурств на новогодние праздники. Молод еще, видимо, как обычно. Он недовольно нахмурился, но одёрнул себя. Что толку злиться? Молодость, как любил говорить отец, единственный недостаток, который с возрастом проходит. Но работать в полную силу хотелось уже сейчас. Делать нужное дело, пользоваться уважением коллег. Только вот медицина – сфера настолько консервативная, что на репутацию и уважение ему еще работать и работать. А пока есть только собственные амбиции, которые разбиваются о недоверчивые взгляды измученных родителей. «Вот этот парень будет оперировать моего ребёнка?!» Ладно, сколько можно даже дома о работе думать?

Ник встал, потянулся, подошёл к окну. Короткий январский день быстро угасал. Делать было совершенно нечего.

Даже поговорить не с кем, Варвар где-то шляется, как обычно, родители в кои-то веки, по настоянию матери, уехали на неделю в санаторий – отдохнуть и подлечиться. Правда, отец там сразу же спелся (и спился – по утверждению мамы) с главным врачом и лечился по собственной методике. Но, несмотря на ворчание матери, вроде бы отдохалось родителям хорошо.

По улице спешили прохожие. Может быть, и ему прогуляться? Куда? Да некуда ему идти, в том-то и дело. Все визиты вежливости он уже нанёс, если можно так сказать. Только вчера вот был в гостях у Вика. Вообще, странное дело. Когда его закадычный друг детства, Витька Баженов, он же Вик, он же Вектор, вдруг неожиданно добился-таки взаимности от своей великой любви (хотя лично Ник считал это блажью и дурью), Николай решил, что всё – потерял он друга. Сожрёт его королевишна Надька и косточек не выплюнет друзьям. Вышло, к его огромному изумлению, иначе – и друга не потерял, и приобрел... Ну, не подругу, конечно, но Надька Соловьёва, точнее, уже Надя Баженова оказалась человеком. Неплохим человеком, надо сказать. Коза и выдерга, не без этого, но, как говорится, у всех свои недостатки. Так что он вполне смог найти с ней общий язык. А уж после появления на свет Ванечки Баженова...

Ник усмехнулся. Господи, родители, тоже мне. Сами ведут себя как дети. Ник вспомнил один случай. Ему позвонил Вик – перепуганный до икоты молодой папаша: «У Вани

опухоль на животе!» Где-то там, на заднем фоне, подвывала Надька. Нет, он в опухоль сразу не поверил. Но примчался тут же. Угу, так он и думал. Самая обыкновенная пупочная грыжа, которую он, молодой и только-только набирающийся опыта детский хирург распознал сразу. Отпаивал Витьку вискарем, кормящую мать Надю – чаем с лимоном и сахаром, приняв на себя командование на их кухне. Успокоил как мог молодых родителей, чувствуя себя мудрым и опытным. Предложил периодически еще хлюпающей носом Наде свозить сына на консультацию к Владимиру Алексеевичу – своему начальнику, наставнику и заведующему отделением, где Ник работал. На что Надя ответила ему фразой, за которую он ей простил все ее прегрешения перед Виком – былые, будущие, мнимые и настоящие: «Своего сына я могу доверить только тебе, Коля!» С тех пор мир между ними установился окончательный и бесповоротный, а Ванечка Баженов стал его пациентом номер один.

Поначалу приезжал каждую неделю – проведать, посмотреть на динамику. Надя оказалась совершенно сумасшедшей мамашей, но он к этому уже привыкнуть успел. Нормальные с виду женщины могли вести себя на редкость неадекватно, когда дело касалось их детей. Но с Надей было проще. Выяснилось, что, в крайнем случае, на нее можно даже грозно рыкнуть, и она послушается и перестанет дёргаться. Поэтому Надежда дисциплинированно выполняла все его рекомендации по консервативному плану лечения, включая мас-

саж, гимнастику и пластырь. Об операции думать пока было рано – в этом он Надю тоже смог убедить. В общем, Надька оказалась действительно адекватным человеком. И еще она сестра...

Ник вздохнул. Вчера, сидя на кухне у Нади с Виком и своим маленьким крестником, бодро скачущим у него на коленях, Ник, глядя на Надю, вдруг поймал себя на совершенно крамольной мысли. Что он прекрасно представляет, как выглядит жена друга без одежды. Ведь они же с Любой близняшки, у них должно быть всё одинаковое, не только лицо, но и тело. Эта мысль его так смутила, что даже Витька заметил. Подкалывал, что Ник какой-то странный и задумчивый. Да как тут не быть задумчивым?

Николай отошёл от окна и отправился на кухню. Машинально открыл холодильник. Окинул взглядом полки и снова закрыл. Есть не хотелось. Он вернулся в комнату, лёг на диван и закинул руки за голову. Мысли о новогодней ночи сидели в голове занозой и не давали сдать произошедшее в архив памяти. Разве такое забудешь!

Она его первая поцеловала! Поначалу он был уверен, что это очередной Любин розыгрыш. Нет, он, конечно, ответил на поцелуй – кто бы на его месте не ответил? Но ждал, всё ждал подсознательно, что вот-вот откуда-то выскочит Соня с криком: «Ага, попались!» Что там дальше, за этим «ага», он не мог представить. Потому что смысла в таком розыгрыше не было. Но и на реальность ситуация мало походила.

Окончательно сомнения он отбросил, только когда увидел... нет, даже не столько увидел – темно же было – ощутил ее, голую, под собой. Нет, так далеко в шутках нормальные люди не заходят. Даже выдерги-тройняшки Соловьёвы. А Любка умудрилась еще раз выдать такое, что он не знал, что и подумать. Ну, потому что невозможно же было в происходящее поверить. Люба – красотка Люба Соловьёва, которая никогда за словом в карман не лезла, самоуверенная, прекрасно знающая, какое впечатление производит на противоположный пол, и умеющая этим замечательно пользоваться, да что там – просто Люба Соловьёва, и этим всё сказано! – что она... И ведь это оказалось правдой.

Ник сел и обхватил голову руками. Нет, честное слово, в это трудно поверить. Он не мнил себя великим героем-любовником. Но ни разу еще в постели с ним девушки не рыдали. Ни разу он не причинял такую сильную боль. Да, ему бывало непросто – в силу физиологических особенностей. Это только в порнофильмах круто выглядит. А когда в реальной жизни, в постели с реальными, нормальными девушками выясняется, что у тебя член несколько больше среднего статистического, то это приносит тебе только дополнительные сложности. Но Ник привык, знал, как избежать дискомфорта, более того, девушкам это всё же (да здравствует порно!) обычно нравилось. Но не в этот раз. Видимо, Люба совсем не смотрела фильмы для взрослых.

Но больше всего его потрясло даже не то, что он оказался

у Любы и в самом деле первым. И не то, как у них крайне неудачно всё вышло. А то, что она... она! потом перед ним извинилась. После того как он ей причинил, судя по всему, довольно сильную боль, гордая красавица Люба Соловьёва извинилась перед ним! Обалдеть! Дьявол, кажется, он ее совсем не знает! Или ничего не понимает в женщинах. По логике вещей Любка должна была иметь вагон и маленькую тележку парней на любой вкус, на каждый день недели. За ней же табуны ходили, а она... А сколько лет Любке, кстати? На год младше его, значит, двадцать пять. Возраст для начала половой жизни солидный. Короче, есть над чем задуматься. Хотя бы над тем, почему для первого опыта она выбрала именно его, Николая? И опыт этот, конечно, ей совсем не понравился – тут к гадалке не ходи.

Тут Ник поморщился, вспомнил слезы на глазах Любы. Поёжился. Чертовски неприятно вспоминать. Если быть совсем честным с собой, то он должен был остановиться. Должен был это сделать, когда она попросила. Но в тот момент он уже ни хрена не слышал и не соображал. Завёлся просто как мальчишка шестнадцатилетний. Правда, у него в последние пару месяцев как-то не складывалось с сексом, но это сейчас было слабеньким оправданием, а уж для Любы... А Любе никаких оправданий не потребовалось. По какой-то непонятной причине она вместо того, чтобы вспылить, наорать на него, как он ожидал, взяла ответственность за эту ситуацию на себя. Извинилась перед ним! Перед тем, кто

сделал ей очень больно, пусть и ненамеренно. Это была какая-то другая, совершенно незнакомая ему девушка. И перед этой девушкой он испытывал странное, непонятное, не дававшее ему покоя чувство вины. Нет, такое забыть просто невозможно!

Ник вскочил с дивана, огляделся в поисках телефона, увидел его на столике и взял. Он ей позвонит. После такого взрослые люди не делают вид, что ничего не произошло. Это несерьёзно. Но что ей сказать? Или спросить? Или...

Длинные гудки прервались нежным голосом:

– Да?

В окно редакции било редкое январское солнце. Люба сидела за компьютером. Она встала, чтобы опустить жалюзи – монитор страшно бликовал. Таким служебным рвением можно было бы гордиться – прийти в новогодние праздники на работу. Обманывать себя Люба не имела желания: за ее приходом в редакцию стояло что угодно, но только не карьерные устремления. Просто хотелось чем-то занять голову. И иметь хоть какой-то легальный повод послать Марка на фиг, сославшись на занятость.

На экране был открыт текст, в который она никак не могла вникнуть. Понапишут молодые талантливые авторы всякого бреда, а ей читай! За рабочий стол возвращаться не хотелось. Люба взяла лейку и методично полила все цветы на подоконнике и тумбочке – Светлана Васильевна будет ей благодарна.

– Боже мой, кто это на работу в праздники пришёл!

Люба резко обернулась. В дверях стоял Виталий Фёдорович Кольчевский, заведующий редакцией. Неизменный пиджак в клетку, зачёсанные назад в артистическом, как ему казалось, беспорядке редеющие волосы. Но Люба, несмотря на то что в редакции неизменно подшучивали над внешностью шефа, не позволяла себе недооценивать Виталия Фёдоровича. Мама советовала, да и сама не дуручка. Начальник был себе на уме и очень, очень проницателен.

– С наступившим, Виталий Фёдорович!

– И вас, Любовь Станиславовна, с праздником, – церемонно ответил шеф. Улыбнулся. – Любушка, я чувствую себя настоящим тираном – самая красивая девушка в моей редакции работает во время праздников... Тебе что, заняться нечем?

– Как раз есть чем. – Она кивнула в сторону своего стола.

– Нет, я точно тиран! – ухмыльнулся Кольчевский. – Ну, пойдём, хоть кофе тебя угощу – за усердие.

Повода отказываться не было, да и кофе хотелось. И с умным человеком поговорить – чем не повод не думать о всяком... неприятном.

Они отправились в кабинет шефа.

– Как Новый год встретила, красавица? – Виталий Фёдорович подвинул ей шоколад.

Люба пригубила кофе. У шефа отличная кофеварка и в кабинете всегда пахнет свежесваренным кофе.

– Чего молчишь и загадочно улыбаешься?

– Кофе очень вкусный, – дипломатично оправдала Люба свое молчание. Опять же, если она честно ответит на поставленный вопрос, начальство рискует поперхнуться кофе. Поэтому пришлось ответить уклончиво: – Как Новый год встретила? Необычно. И... познавательно.

Кольчевский ее всё равно раскусил. Словно смог как-то догадаться.

– Однако... Кому-то повезло. – Шеф мягко рассмеялся. – Ох, Люба, Люба, сколько сердец разбила, признавайся?

– Ни одного. – Она невинно распахнула глаза. – Я человек мирный.

Ее телефон разразился гитарными переборами в исполнении неизвестного испанского виртуоза.

– Вот и еще одна жертва «мирного человека», – усмехнулся Виталий Фёдорович.

– Спасибо за кофе. – Люба улыбнулась, вставая с места. – Не буду больше вам надоедать.

Только за дверью кабинета она посмотрела на экран. Марку отвечать не хотелось. Это странно, очень странно, но она почему-то ждала все эти дни звонка от другого человека. Но он так и не позвонил. Впрочем, о чём она вообще думает? Мавр сделал своё дело, мавр может не звонить. Забыть... забыть. Зато самое главное сделано. Только вот чувства удовлетворения это не принесло.

Телефон зазвонил снова. Марк не отстанет. Да и нельзя

же от него постоянно бегать?

– Да?

– Солнышко, ты еще не наработалась? Давай в кино сегодня сходим? Твой любимый Нолан.

– Хорошо. – Она опустила ресницы. – Давай.

– Заеду за билетами и через час примерно буду у тебя перед редакцией. Стану развлекать мою сладкую девочку.

– Хорошо, – повторила она.

Почему ее даже от голоса Марка тошнит? А при мысли, что она должна будет теперь с ним проделывать то же самое, что с Ником... Вот, она все-таки произнесла его имя, хотя бы мысленно! А ведь обещала себе! Но, с другой стороны, не может же она всё время игнорировать его существование, учитывая, что ее семья дружит с Самойловыми. Да и вроде бы ничего страшного и необратимого не произошло. Ну, подумаешь, переспала с другом детства. Никто от этого не умер. Только вот она никак не могла, несмотря на все своё приличное литературное образование, дать хоть какую-то оценку тому, что произошло.

Было стыдно, ужасно стыдно за свою истерику. А еще она ждала от него хоть какой-то реакции. Непонятно с чего, но упрямо ждала хоть чего-то. Звонка, например. Ждала и боялась. Не позвонил. И ко всему прочему, она теперь точно знала, что секс ей не нравится. Те, кто говорил, что это приятно – врут. Или это просто не для нее. Или... слишком много «или»!

* * *

– Опять? Марк, я терпеть не могу эти места для поцелуев!

– Отличный ВИП-диван. Киса, ну, не злись.

Отличный диван, как же! И она отлично знает, что на этом диване будет происходить! Пусть только попробует руки начать распускать. Она не в том настроении.

Худшие подозрения подтвердились. Спустя десять минут после начала фильма рука Марка легла ей на бедро. И была так резко убрана, что попыток он больше не предпринимал. Если раньше такие его действия вызывали глухое раздражение, которое она списывала на свою неопытность, то теперь... Теперь его руки на своем теле вызывали у Любы почти отвращение. При том, что, когда Колька лапал ее за грудь или попу своими огромными ручищами, это вызывало совсем другие чувства. Странные. Будто он имел на это право – так лапать. Вот какого черта она снова о нем вспомнила? А все-таки, наверное, было бы замечательно... если бы он ее только трогал вот так... А всё остальное, что было дальше... слишком больно.

* * *

И всё-таки он позвонил! Звероящер сделал свое дело,

но Звероящер всё же позвонил. Она несколько раз вдохнула-выдохнула, прежде чем ответить, чтобы голос звучал ровно. Благо, Марк был занят протиранием стёкол машины, а она отошла на несколько шагов в сторону.

– Да?

– Привет.

– Привет.

Он хотел ей что-то сказать, задать какие-то вопросы. Но по телефону так и не мог сказать ничего умного, кроме:

– Давай встретимся?

Пауза. Она смотрит, как Марк любовно протирает зеркала на своём *Nissan Qashqai*.

– Давай.

– Ты где? – Он слышит какой-то шум.

– Только что из кинотеатра вышла.

В кино была? Интересно с кем? Он как-то сразу растерялся.

– Ник, ты тут?

– Угу.

– Через какое время будешь в «Кофе Хауз» на Профсоюзной?

– Минут через сорок.

– Там и встретимся.

Короткие гудки. Он несколько секунд смотрит на телефон, а потом резко стягивает через голову домашнюю футболку.

– Марк, у меня дела.

– Какие еще дела? – В глазах Марка совершенно искреннее недоумение.

– Мне только что позвонили. Извини, у меня сейчас встреча. Срочная. Так что...

– Что-то серьезное? Неприятности?

Надо же, какой заботливый. Нет, он и в самом деле постоянное демонстрирует заботу и внимание. Но почему-то не оставляло ощущение, что это именно демонстрация, напоказ.

– Нет, никаких неприятностей. Просто одному человеку нужна... моя консультация.

– Кого ты можешь консультировать!

Она так презрительно выгнула бровь, что Марк тут же спохватился:

– Любонька, извини, я не то имел в виду. Просто... Извини, пожалуйста! Давай, я подвезу. Куда тебе на встречу?

– Тут недалеко, я лучше пешком. До свидания.

От прощального поцелуя она отвернулась, подставив лишь щеку. Она просто не могла сейчас поцеловать Марка в губы.

Глава пятая, в которой Николай Самойлов выступил в несвойственной ему манере, но Любовь Соловьёва это не оценила

Николая Люба заметила сразу, как только тот вошёл. Трудно не заметить такого здоровенного амбала – какой у него рост, интересно? Люба придирчиво разглядывала Ника. Тот сначала окинул взглядом посетителей, увидел ее, улыбнулся и решительно направился к ее столику у широкого окна. Чёрный пуховик, тёмно-синие джинсы. Он одет так, как десятки тысяч парней в этом городе. Но всё равно выделяется – своим огромным ростом и тёмно-рыжим ёжиком волос.

– Привет еще раз.

– Привет. Раздевайся давай и садись.

Он повесил куртку на стул. Широченные плечи обтягивает обыкновенная тёмно-зелёная толстовка. Ник Самойлов явно не слишком заморачивается своим внешним видом.

– Ты на машине?

– На метро. – Он устраивается за столом, берёт меню. – Ты забыла, что ли?

– Ах, да, – усмехнулась Люба. – У тебя же мотоцикл. Ты

же у нас великий мотогонщик.

– Просто гонщик, если верить Варьке. – Он возвращает ей усмешку. – В смысле, гоню постоянно – по ее утверждению.

– Чудесные у вас отношения.

– С сёстрами всегда так. Ты-то должна понимать.

– Понимаю. Ну что, выбрал? Рекомендую черничный чизкейк – свежий и довольно приличный.

– Не хочу есть. – Он откидывается на спинку стула. – Кофе только выпью.

– Коля! Кто тебя сглазил! ТЫ не хочешь есть?

– Угу. Новогодние праздники не прошли даром. Не могу уже жевать – надоело.

Она засмеялась, но он даже не улыбнулся. Интересно, сколько мужиков в кофейне пялились на нее? Сколько ему сейчас смертельно завидуют? Если бы они знали правду...

Подошёл официант, чтобы принять заказ, Николая начинают уговаривать попробовать фирменные блинчики с лесными ягодами. А она снова смотрит на него. Неосознанно сравнивает Ника с Марком.

Стилягой Ника точно не назовёшь. Приехал на метро. А Марк холёный – стильная стрижка, со вкусом одетый, на пиджонском *Nissan Qashqai*. Тут ей почему-то еще странным образом припомнился парфюм Марка, который ей категорически не нравился – слишком сладкий. А от Ника ничем не пахло. Или чем-то... чем-то трудноуловимым. Его собственный неповторимый запах.

– Уговорили всё-таки, – ворчит Ник.

Она отвлекается от своих мыслей. Парадоксально, но сравнение вышло всё равно не в пользу Марка отчего-то.

Заказ приносят быстро, они успевают переброситься лишь парой фраз – про родителей, погоду. А потом... Он же хотел у нее узнать...

– Ты как вообще?

– Вообще – прекрасно. – Она демонстративно пожимает плечами. Жест изящный, как и плечи в тонкой, синей с темно-красными цветами блузке.

– Как... самочувствие?

– Нормально. – Еще раз дёрнулось плечико. – Насморк пару недель как прошёл.

– Люб, я не про насморк. Я про другое.

– Про что? – Она смотрит ему прямо в глаза, и тут же лёгкий румянец появляется на щеках. – А-а, ты про... это. Всё... – Она взмахнула ресницами. – Всё в порядке.

– Слушай, я сказать хотел... – Он поднёс кофейную чашку к губам. – У тебя же произошёл разрыв мягких тканей...

– Что?! – Она вздрогнула. – А-а... ну и... произошёл и произошёл. – Румянец на щеках стал ярче, она даже чуть отвернулась, демонстрируя опять все ту же идеальную линию скул и беззащитную трогательность шеи.

– После разрыва... гм... девственной плевы... там образовалась раневая поверхность. На стенках...

– Ты мне тут лекцию по анатомии читать собрался?

– Нет. Я к тому, что края разрыва зарубцуются через полторы-две недели. И раньше этого времени не стоит... заниматься сексом. Может наступить повторное кровотечение. И вообще... – Он замолкает. Выражение лица у собеседницы способствует тому, чтобы он заткнулся.

Два тёмно-красных пятна на побледневших щеках. И глаза у нее такие... В жизни не видел у Любы такого выражения глаз.

– Так, значит... – Голос у нее тихий, но он отчётливо слышит каждый звук. – Значит, так ты об этом думаешь, да? Что я пришла к тебе тогда за избавлением от... лишних мягких тканей? За врачебной помощью... Но, как только добрый доктор Самойлов помог пациентке Любове Соловьёвой, – вуаля! Можно пускаться во все тяжкие! Ничто же не мешает! – Голос ее стремительно набирает силу, превращаясь из шёпота в гневный звон. – Отлично! Я только и ждала от тебя разрешения! Может быть, ты и справку мне напишешь? Что я уже пригодна... к употреблению? Или тебе требуется провести еще одно обследование? Так ты скажи, не стесняйся! Прямо здесь будешь проверять – как зарубцевалось?

– Люба... – От ее напора Николай опешил. Совсем не это же он имел в виду и правда беспокоился. – Ты меня не так поняла. Я же...

– Нет, Самойлов, ты не ящер! Ты... ты... ты придурок! Идиот! Кретин!

Последние слова она почти кричит, не стесняясь. А потом

хватает шубку и сумочку – и вот ее уже нет.

Теперь он узнает Любу Соловьёву. Ведёт себя так, как и положено. Да что он такого сказал? Всё перевернула с ног на голову. Вот и старайся, беспокойся о людях!

Он залпом допил остывший кофе. Блинчики на тарелке словно озябли и выглядят неаппетитно. Ник бросил взгляд в окно. Чтобы увидеть, как Люба падает. Поскальзывается прямо напротив того места, где он сидит, где еще недавно сидели они вдвоём. Падает навзничь, взмахнув руками, о ледяной асфальт ударяется сумочка, рассыпая вокруг содержимое. Он вскакивает с места. Люба тоже поднимается – только медленно и на четвереньки. Стоя на четвереньках, начинает собирать рассыпанное – насколько ему видно, в основном это содержимое косметички. Движения у нее торопливые и неловкие, на щеке видна блестящая дорожка. Люба плачет?

Она все-таки поднимается на ноги и уходит – быстро и всё же чуть прихрамывая. На границе света от окна кофейни остаётся лежать ярко-розовый цилиндрок. Губная помада. Какое-то время он смотрит на этот розовый предмет. А потом рывком срывается с места.

У дверей его решительно перехватывают. Ник оборачивается. Тщедушный парнишка-официант держит его за локоть – вид испуганный, но видно, что храбрится.

– Молодой человек, а расплатиться?

Ник чертыхнулся.

– Сколько с меня?

В ответ на названную сумму сунул купюру в протянутую руку.

– Сдачи не надо!

На улице его ждал лишь розовый цилиндрик помады. Он наклонился и поднял его. Когда распрямился, то увидел вдалеке Любу, голосующую проезжающим машинам. Бросился к ней бегом, думая только об одном: как бы самому не грохнуться на этом гололёде, как Люба только что.

Он подлетел к ней, схватил за руку.

– Отпусти меня!

– Не отпущу. Что с ногой? Больно? Где?

– Не твоё дело! Отпусти, я кому сказала!

Приказ получается не такой грозный, как ей хотелось бы, потому что говорить приходится ему в пуховик – Ник прижимает ее к себе, и у нее хватает здравого смысла не пытаться вырваться силой.

– Нет. Нам надо поговорить.

– Уже поговорили!

– Ты меня неправильно поняла. Я не хотел тебя обидеть.

– И тем не менее у тебя прекрасно получилось!

– Любаша...

Резкий автомобильный гудок не даёт ему сказать. Ник оборачивается. У обочины остановилось такси, стекло на пассажирской двери опущено.

– Молодые люди, едем?

– Едем! – кивает решительно он.

В такси Люба демонстративно отвернулась к окну. На названный адрес не соизволила прореагировать. А он достал из кармана телефон, написал эсэмэску сестре.

Ты дома?

Нет.

В котором часу будешь?

В котором нужно?

Не раньше десяти.

*Помни – бл*дство в таких объёмах до добра не доводит.*

Не забудь помещение проветрить и резинки выкинуть.

На последнюю эсэмэску он не стал отвечать. А телефон через пару минут снова пиликнул.

И ужин приготовь – сегодня твоя очередь.

Это было чистой воды шантажом и вымогательством, но он не в том положении, чтобы спорить с сестрой.

* * *

В прихожей он помог Любе снять шубку, как-то даже привычно уже. И они замерли, прямо там – наверное, на том месте, где всё и началось. Любе было ужасно неловко, но куда идти? В гостиную, где они целовались на диване? На кухню? В его комнату? О, да, там самое подходящее место, чтобы перестать чувствовать себя неловко.

– Пошли. – Он взял ее за руку, но она резко выдернула ладонь.

– В спальню? Сама дойду, дорогу знаю!

В комнате уселась в кресло за компьютерным столом, сложила руки на груди.

– Ну-с, Николай Глебович, я вас внимательнейшим образом слушаю.

Он вздохнул, сел напротив нее на кровать, провёл ладонью по голове, ероша короткие волосы. Наверное, это ему помогает думать. Ну, давай, выкладывай, Ник, что там у тебя на уме?

– Люб, я... – Он еще раз вздохнул. – Я, правда, не думал, что... Я просто... Ну, раз уж так получилось у нас...

После этого многословного монолога он замолчал. Бросил на нее короткий взгляд и отвернулся. Отличный у них разговор, занимательный.

– Хорошо. Я сама расскажу, что всё это значит. Ты на самом деле вправе. Вправе составить обо мне... об этой ситуации такое мнение. Нет, ну а что еще ты мог подумать? Пришла, пристала с поцелуями, залезла в койку...

– Люба, ну что ты...

– Молчи, ты всё равно говорить не умеешь! Значит, так... о чём это я?... А, ну вот. Влезла в койку, потом обрадовала приятной... новостью. Понимаю, тебе деваться уже некуда было.

– Люба!

– Коль, давай просто всё забудем, а? Как страшный сон. Ну, было и было. Я перед тобой извинилась. Всё, проехали.

Дальше каждый сам за себя.

Она несла такую откровенную чушь, что ответить он мог только одним: сдёрнуть ее за руку с этого чёртова кресла и...

– Что ты себе позволяешь?

Он молча уткнулся носом в ее шею, удерживая обеими руками у себя на коленях. Пахнет она офигенно. Слабый, почти неуловимый, нежный запах...

– Самойлов! Ты что там себе придумал? Что у тебя теперь есть право?

Он ее поцеловал. Сначала в шею, но уже после этого она не смогла ничего произнести. А потом в губы – и это сделало продолжение дискуссии вовсе невозможным.

– Любочка... – прервавшись, задыхаясь, попросил он, – дай мне еще один шанс.

– Второй бесплатный урок от секс-инструктора? – Она умеет держать марку до последнего.

– Угу, – улыбнулся он растерянно. А потом серьезно сказал: – Я постараюсь сделать в этот раз... как надо.

– Ладно. – Да почему же она не может просто послать его на фиг? – Я тоже постараюсь вести себя прилично, не рыдать и не орать.

– Надеюсь, повода не дам.

* * *

Она зажата, это чувствуется. Вроде бы отвечает на поце-

луи, прогибается под его руками. Но всё равно что-то есть внутри – словно натающая льдинка. Помнит, ждёт, возможно, подсознательно даже. Что будет больно. И он ни хрена не представляет, что с этим делать! Не эксперт он по девственницам, первый раз... так. А у самого уже в ушах гудит кровь – так завёлся.

– Чего ты ждёшь? – Дыхание у нее всё же сбившееся, жаркое. – Начинай уже...

– Давай, ты не будешь меня учить, а?

– Я готова, правда.

Вот что ты с ней будешь делать? Ломает все его стереотипы – о себе, о том, как ведут себя неопытные девушки в постели. И он же не железный, в конце концов, чтобы отказываться от того, что ТАК предлагают.

– Люба, не зажимайся, пожалуйста... Будет только больнее.

– Я не специально! Я стараюсь...

Она всё такая же невозможно, почти болезненно узкая. Видно, как она захлёбывается собственным вдохом на его проникновение, замирает, прикусывает губу. Он двигается чуть вперёд, она отвечает дрожью тела – дрожью, которую не в состоянии унять. Пара движений, взгляд на ее лицо... Смачно выругавшись, он резко выходит из нее.

– Ну, и зачем ты остановился? – Она поразительно быстро приходит в себя.

Всё повторяется. Он снова сидит на краю постели, голый,

спиной к ней. Люба быстро смахивает с глаз совершенно произвольно выступившие слезы. Она обещала ему не рыдать, но слезинки покатались как-то сами собой, без ее участия... По-прежнему почему-то больно.

– Чего молчишь, Ник? Какого остановился, я тебя спрашиваю! Я тебя об этом не просила!

– Знаешь... – У него такой безразличный голос, что ее только от этого тона начинает потряхивать. – Заниматься сексом с девушкой, которая плачет от боли подо мной, не входит в число моих излюбленных занятий.

– Ах, это снова я виновата?

– Я этого не говорил, – ответил он всё так же ровно и безразлично.

– Тебе вообще лучше не говорить! – Она резко садится на кровати, чуть поморщившись от лёгкой боли, нисколько не смущаясь собственной наготы. – А вот я тебе скажу, Николай Глебович! Свою вторую попытку ты с треском провалил! Третьей не будет! И не звони мне больше, понял?!

Он в ответ лишь дёргает плечом, всё так же не оборачиваясь. Вот теперь она снова ведёт себя предсказуемо. Как и положено девчонке Соловьёвой. Стерва. Не будет он ей звонить, одного раза хватило.

Глава шестая, в которой на сцене появляются пироги с капустой, инструктор по рукопашному бою и еще куча разного. А заканчивается всё совсем уж неожиданно

Комната отдыха медперсонала.

– Вкусные пироги, Николай Глебович?

– Очень вкусные, Нина Гавриловна.

– Альбинка у меня такая. – Нина Гавриловна пододвигает ближе пакет с домашними пирогами. – Сама ее выучила, но она уже лучше меня тесто ставит. Вон какие получаются – пышные, мягкие.

Ник с наслаждением откусывает еще пирожок с капустой. Действительно, вкусные. И вообще – хорошо поесть, впервые за день. А то он проспал сегодня, позавтракать не успел. А потом как началось...

Нина Гавриловна Данченко, операционная сестра с тридцатилетним стажем, сидит напротив, сложив руки под внушительным бюстом, и совершенно по-матерински смотрит, как молодой хирург Николай Глебович Самойлов обедает.

Хотя для нее какой он Николай Глебович? Николаша... хороший парень. Вот бы такого ее Альбине!

– Кушай, кушай! – Она забирает у него кружку. – Давай еще чаю налью.

– Спасибо. – Николай берёт еще пирожок...

– Коля, ты бы, может... – Медсестра наедине позволяет себе нарушить субординацию и обратиться к врачу на «ты» и по имени. Знает, что Николай к этому относится болезненно – как и все молодые врачи, но сейчас они одни, да и тема разговора... – Может, сходил бы с моей Альбиной куда-нибудь? В кино там или в кафе? Она у меня хорошая, знаешь, какая! Готовит вкусно, дома чистота. И вяжет сама, и шьёт. А уж хорошенькая! И за собой следит – в зал ходит тренажёрный. Я вот тебе фотографии покажу...

– Вы уже показывали! – Николай отодвигает чашку. – Альбина и правда симпатичная.

– Ну вот! – Тон Нины Гавриловны настолько торжествующий, что он мгновенно осознает всю опрометчивость своего ответа. – Вот и пригласи ее куда-нибудь! Не понравится – тогда, стало быть, не судьба. Но она у меня такая... Не может не понравиться!

Ник вздыхает. Не первый это разговор. Пирог Альбина печёт замечательные. И внешне, по крайней мере на фото – ничего вроде бы. Тоже брюнетка. Тоже? Господи, да когда же он *эту* из головы выбросит? В общем, всё бы ничего, если бы не мама Альбины. Нина Гавриловна – самая опытная сест-

ра в их отделении, человек, к мнению которого прислушивается даже заведующий. Ее и Владимира Алексеевича Ник считал своими учителями. Уважал, внимательно слушал, перенимал опыт. И совершенно чётко понимал, что любой мало-мальский романчик с дочкой Нины Гавриловны поставит его профессиональные отношения с лучшей операционной сестрой отделения под удар. И еще один момент вызывал сомнения: почему такую во всех отношениях замечательную девицу еще не прибрал к рукам какой-нибудь достойный жених? Видимо, или материнский взгляд не совсем объективный, или кастинг претендентов чрезмерно суровый. Обе версии ему не очень-то нравились. Эх, главное, Нину Гавриловну не обидеть. Ценнейший специалист, а уж опыта сколько...

– Нина Гавриловна, да зачем вашей Альбине я? Вы же знаете, что я за человек... Ухаживать не умею, слов красивых говорить – тоже. На принца на белом коне... не тяну. Да и конь у меня зелёный и одноместный. И вообще от меня девчонки шарахаются.

– Вижу я, как шарахаются, – усмехается Нина Гавриловна. – Вешаются – это точнее. Не наговаривай на себя, Николай. Да и моей Альбинке не принц нужен, а нормальный парень. И тебе нужна хорошая девчонка, которая и накормит, и приласкает. Так ведь? Принцессу же не ждёшь?

– Нет, – вздохнул он. – Вообще никого не жду. Не до этого мне сейчас, Нина Гавриловна, вы понимаете?

Нина Гавриловна тоже вздыхает в ответ. Упрямый. Ну да

ничего – вода камень точит. Уж больно хорош парень. Даже не парень – мужик уже, породу видно сразу. За таких держаться надо, хватать да не отпускать. Ей с высоты жизненного опыта это очевидно.

* * *

Дородная женщина в бирюзовой медицинской форме разгневанно разглядывает крошки на тумбочке.

– Нюрка, паразитка мелкая, ты опять?!

– Тётенька, пожалуйста, не надо... – Шестилетняя девочка тут же начинает всхлипывать. – Не отбирайте!

– Вот что же за бестолочь-то, а? – Дежурная медсестра резко отодвигает девочку, вынуждая ту упасть на койку. – Тебе что говорили? Вот сейчас Николаю Глебовичу все расскажу!

– Не надо, пожалуйста! Оставьте! Меня угостили!

Не слушая детские крики, медсестра выгребает всё из тумбочки, достаёт из глубин запрятанный пакет с пряниками.

– Что это, Перфилова? Что это, я тебя спрашиваю?

– Отдайте, – всхлипывает девочка. – Отдайте, это мое! Меня тётеньки угостили. Отдайте...

– Да что вы творите?! – не выдерживает одна из мам, лежащих тут же, в этой палате, со своим ребёнком. – Девочка и так сирота, из детдома. А вы ее еще и последнего лишаете.

Жалко вам, что ли? Мы угостили, а вы...

– Нельзя ей! – резко поворачивается к ней медсестра. – Нельзя. Говорили же! Ни пряников, ни печенья, ничего мучного ей нельзя! Господи, ну она-то маленькая, дурочка, а вы...

– Как вам не стыдно!

– Да это вам должно быть стыдно! Вы-то взрослые люди, у вас самих дети! Всё, пойду дежурному врачу пожалуюсь!

* * *

Уже отбой, но свет не гасят.

Анечка, девочка из детдома, лежит на кровати, уткнувшись в стену, тихо плачет. Рядом, через пару коек, возмущённо обмениваются мнениями две мамы, судачат о жестокости и душевной чёрствости медперсонала отделения.

Дверь в палату распахивается, и на пороге появляется дежурный врач Николай Глебович. Он подошёл к девочке и погладил ее по волосам.

– Анютка, скажи мне, что Галина Михайловна пошутила. И ты не лопала пряники, они у тебя просто так в тумбочке лежали.

Девочка шмыгнула носом и повернулась к доктору. Глаза у нее опухшие, заплаканные.

– Меня тётеньки угостили!

– Тётеньки – идиотки, – невозмутимо парирует доктор. –

Ты же знаешь, что тебе нельзя пряники. Ну, лопала?

– Лопала. – Девочка вытерла нос ладошкой.

– Сейчас ремня всыплю.

Одна из мамочек возмущённо охает, но Аня Перфилова нисколько не пугается.

– Не всыплете.

– На спину ложись и ночнушку подними.

Девочка переворачивается на спину и привычно задирает рубашку, демонстрируя дешёвые хлопчатобумажные трусики в катышках и измазанный зелёнкой длинный безобразный шов во весь маленький детский живот. Пара уверенных движений пальцев доктора, и девочка вскрикивает:

– Ай!

– Здесь?

– Да.

– А тут?

– Да!

Врач со вздохом выпрямляется.

– Опусть рубашечку, Аня.

Доктор Самойлов выходит на середину палаты, в руках у него медицинская карта девочки. И начинает говорить – ровно, спокойно, но тут же раздражение прорывается, и он не может сдержать возмущения.

– Послушайте, у девочки спаечная кишечная непроходимость. Вы знаете, сколько раз ее оперировали? В предпоследний раз – полгода назад! В последний – пять дней назад.

Ей нельзя мучного! У ребёнка жёсткая диета! А вы... Да, конечно, врачи и медсестры злые! А вы, мать вашу, добрые самаритянки! Облагодетельствовали сиротку!

Одна из мамаш возмутилась:

– Да какое вы имеете право так с нами разговаривать?

– А какое вы имеете право нарушать врачебные предписания? Да еще относительно чужого ребёнка?

– Мы не знали...

– Пи... врать мне тут не надо! Всех предупреждали! Я! Сам! Лично! А можно еще мозги включить и подумать. Может быть, девочке мучное не от природной жестокости запрещают есть? И для этого есть причины?

– Ну, извините, пожалуйста!

– Засуньте себе свои извинения знаете куда?! – Самойлов просто кипит от дурости тётки. Уже на выходе из палаты он бросает: – Курицы безмозглые!

Ночью Анечку Перфилову все-таки пришлось экстренно прооперировать.

* * *

Утром в ординаторскую зашёл заведующий детским отделением.

– Добрый день.

– Здравствуйте, Владимир Алексеевич.

– Николай Глебович, я только на работе появился, а мне

на тебя уже пожаловаться успели. Что там у тебя опять с мамами за скандал вышел?

– Благодаря этим бабам мы с Пал Палычем сегодня ночью экстренно оперировали Перфилову из двенадцатой палаты.

– Мы ж ее несколько дней назад оперировали?

– Добрые тётеньки накормили девочку пряниками.

– Бл*дь!

– А я сказал гораздо мягче!

– Николай, да что хочешь говори! Но не при пациентах!

Как девочка?

– В реанимации.

– Как операция прошла?

– Как научили.

– Ладно, – вздыхает заведующий. – Я сам с ними еще поговорю. Жалобы они строчат... Но, Николай, я тебя по-хорошему прошу: держи свой темперамент в узде! Не надо говорить людям всё, что ты о них думаешь.

– А как они тогда узнают правду?

– Самойлов! Хочешь работать в медицине – умей вовремя промолчать! Понял меня?

– Понял.

* * *

Николай осматривает Ванечку Баженова.

Надя внимательно наблюдает за уверенными движениями

мужских рук. Вспоминает своё изумление в первый осмотр сына – как Ник с ним обращался. Они сами с Виком первое время до ужаса боялись что-то не то сделать, когда брали ребёнка на руки. Бабушки целый месяц приезжали по очереди внука купать, пока молодые родители освоились. А Ник... В его огромных ручищах малыш казался совершенно хрупким, но что-то в спокойной неторопливости этих рук убеждало в абсолютном профессионализме их обладателя.

– Коля, ну что?

– Да всё отлично, Надюш. С богатырём нашим полный порядок. Думаю, обойдёмся без операции.

– Думаешь?

– Пока рано утверждать точно, но вполне вероятно.

– Хорошо. Ты же с работы? Голодный? Есть будешь?

– Ааа... ммм... кто готовил?

– Ну, знаешь ли! Хамить не надо! Я научилась вполне прилично готовить! За голубцы мне даже папа твёрдую четвёрку поставил.

– Ну, если Стас Саныч четвёрку поставил...

– Обойдёшься! – фыркнула Надя. – Раз такой привереда!

– Ну, пожалуйста... Накорми голодного доктора.

– Доктор вечно голодный. Пошли.

И спустя десять минут:

– Надь, а добавки можно?

– А волшебное слово?

– Пожалуйста! Очень вкусно, правда.

– То-то же, – снисходительно усмехается Надя, забирая у него тарелку. На ее лице выступает румянец довольства. Дожили – Надя Соловьёва радуется комплиентам своим голубцам!

– Вик в котором часу придёт?

Вместо Нади отвечает дверной звонок.

– А вот и он. – Надя передаёт Нику сына. – Покарауль хулигана, пока я дверь открываю.

Замок в прихожей щёлкнул, что-то негромко произнёс Вик, потом стало тихо. Ваня дотянулся до ложки и звонко стукнул по столу.

– Давай-давай, – подбодрил крестника Ник. – Зови родителей. Спорим, они там целуются?

– Завидуй молча.

Молодые родители зашли на кухню, обнявшись. Надя снова кинулась к плите, а Вик протянул другу руку для рукопожатия. Навстречу ему ответно протянулись рука Ника и ручонки Ванюши.

– Витя, руки сначала помой!

Виктор скрылся в ванной.

– Что за жизнь, – чуть позже отозвался он. – Приходишь с работы домой, а на твоей кухне, на твоём любимом месте сидит какой-то тип.

– А ты работай больше – я еще и жену твою соблазню!

Вик посмотрел на Надю, и оба прыснули от смеха.

– Бедный малыш. – Ник демонстративно погладил по го-

ловке грызущего черенок ложки крестника. – Родители у тебя со странностями.

Смех смехом, а про соблазнение он сказал в каком-то смысле правду. Учитывая сходство сестёр... Не думать!

– Чаю нальёте, хозяйева?

– И даже печенье дадим.

Они пили чай и обменивались новостями. Зазвонил Надин телефон. Ваня радостно гукнул, увидев у матери в руках любимую игрушку, и был тут же сдан на руки отцу. Надя приложила телефон к уху:

– Привет, Любаш.

Ник в этот момент поднёс чашку к губам. Услышав приветствие, он тут же поставил ее на стол. И это было ошибкой, так как младший Баженов сию секунду воспользовался моментом и мгновенно опрокинул чашку с чаем на стол. Хорошо, что чай был уже не горячий. Под общее негодование Виктор вытер стол и пол. Надя ушла разговаривать в комнату.

Не успела она вернуться, как муж тут же передал ей малыша.

– Забирай хулигана, я чай допью. Ну, что там у Любы новенького? – поинтересовался Виктор.

– Да со своим очередным разобраться не может. Всё ругаются, – поморщилась Надя. – На извечную гамлетовскую тему: дать или не дать?

– Замуж ей пора.

– Пусть погуляет еще, – со знанием дела ответила Надя.

– Чую, догуляется она... – с видом закоснелого брюзги парирует Вик. – Вашу сестру надо как можно раньше окольцовывать.

– Но-но-но! Разговорчики в строю!

Вик в ответ лишь ухмыльнулся.

– А очередной – это который?

– Марк.

– Это тот тощий белобрысый хмырь, в которого Ванька плюнул?

– Ага, – хихикнула Надя. – И потом – кто бы говорил! Ты сам-то... огромный толстый брюнет, можно подумать.

– Но я и не тощий!

– Это точно. Тебя все-таки откормили за год семейной жизни, – ехидно встречает Ник.

– Да его что корми, что не корми... Не впрок.

– Всё равно этот хлыщ – противный. Какой-то скользкий тип, – упорствует Вик. – Пусть Люба его на фиг посылает. Он нашей девочки недостоин.

– Ты хуже папы! – Надя так знакомо поднимает глаза к потолку. – Мало ли что противный. Может, Любе он нравится. Не тебе с ним спать.

– Хорошо, что я уже поел. Ты как скажешь...

– Ой, какие мы впечатлительные. Вик, а ты помнишь, какой завтра день?

– Помню.

– И что?

– Букет роз?

– Нет!

– Коробка конфет?

– Я на диете!

– М-м-м... Плюшевый мишка с сердечком?

– Витя... – Он получил предупреждающий взгляд.

– Флакончик Rose Lumière?

– Укушу!

– Ладно-ладно, я понял. Позвоню маме, она завтра посидит с Ваней, а мы куда-нибудь ходим, да?

– Да! – Звонкий поцелуй в щеку.

Когда видишь чужое счастье так близко, обмануться невозможно. Они действительно счастливы, любят друг друга и счастливы. Кто бы мог подумать, что одна из сестёр Соловьёвых может сделать счастливым обыкновенного парня, вроде Вика. Или его самого.

* * *

Люба просто не знала, что делать. Как поступить.

Марк доставал ее почти ежедневно. Так дальше нельзя. Надо или послать его к чёрту и разорвать отношения. Или... или соглашаться. Потому что это уже реально даже не смешно.

Не хотелось ничего делать. Почему ее все не могут оста-

вить в покое? Почему всё в этой жизни происходит у нее не так, как надо, неправильно, наперекосяк?

Марк поставил ей завуалированный ультиматум. Очередная пафосная дата – День всех влюблённых. На Новый год не вышло, так вот теперь у него новая идея фикс. И она согласилась. По одной-единственной причине. Потому что ей пришла в голову странная мысль, что если она пошлёт Марка подальше, то это будет вроде бы как из-за Ника. Нет уж, такой чести Звероящер недостойн!

И вот теперь они будут отмечать День всех влюблённых у Марка дома. Понятное дело, что это только повод для того, чтобы наконец-то затащить ее в постель. Исключительно из вредности она утром надела самое скромное белье, которое нашла в шкафу. Эх, жаль, нет у нее в гардеробе таких тёплых байковых панталон до колена, желательного отвратительного розового цвета. Вот это был бы сюрприз дорогому Марку! Люба посмотрела на себя в зеркало и отвернулась. При мысли, что он будет вот так же смотреть на нее в одном белье, а потом и вовсе без – передёрнуло. Почему мысли об интимной близости с одним вызывают отвращение, а с другим... С другим вообще какая-то непонятная хрень!

Второй раз боль была почти терпимой. Но зачем она вообще – эта боль? Несправедливо. Потому что до определенного момента ей с ним было хорошо. Даже очень... хорошо. И однозначно хотелось большего. Только вот это большее и во второй раз обернулась болью. Странная эта штука – секс.

Странная и непонятная. И хорошо, и больно одновременно. Хотя, возможно, дело действительно... в крупногабаритности звероящера. С Марком всё будет иначе. Люба зажмурилась и негромко застонала. У кого бы спросить... Кто бы научил ее, как вытерпеть близость мужчины, который вызывает такое отвращение? И отказаться она уже не может. Потому что... потому что Звероящер недостоин такого – чтобы из-за него отказывались! Он не должен быть единственным. Больно много чести ему!

* * *

Она сказала: «Не звони мне!» А он и не будет. Но просто так он это оставить уже не может. Какого-то дьявола он не может оставить это всё так. Так... неправильно! И Марк там этот... ну-ну...

Люба вышла из здания, где находилась ее работа, под руку с каким-то типом, держа огромный букет красных роз. Красивая. Улыбающаяся. С другим. Он шагнул вперед, даже не думая, что скажет. Просто, чтобы...

– Привет.

– Николай? – У нее абсолютно чужое выражение лица, и тон такой церемонный, будто они едва знакомы. Забыла, как голая лежала под ним? – Какими судьбами?

– Вы кто, простите? – пыжится тип рядом.

– Инструктор по рукопашному бою. – Ник в одно движе-

ние оттирает типа от Любы. – Любовь Станиславовна, вы забыли, что у нас сегодня урок?

– Колька, ты охренел? – С нее махом слетела вся ее напускная церемонность и холодность. – Какой урок?

– Третий бесплатный. – Он забрал у нее букет и всучил в руки оторопевшего от его натиска хмыря.

– Какие уроки? О чем вообще речь? – негодует тип. – Любушка, объясни мне, что происходит?

Хрен тебе, а не Любушка!

– У Любви Станиславовны сегодня по плану урок самообороны. Отменить невозможно. Всё заранее согласовано, не так ли, Любовь Станиславовна?

– Коля... – У нее совершенно потрясённый взгляд. – Ты пьяный?

– Я не пью. У меня режим. Всё, не будем терять время. – Он схватил ее за руку, кивнул хмырю. – Всего наилучшего.

– Эй, погодите! Люба!

– Или ты идёшь со мной сама... – Он наклонился к ее уху. – Или я унесу тебя на руках. Предварительно сунув этого типа башкой в сугроб.

– Ты... ты... ты... – Она совершенно не находит слов для хоть сколько-нибудь связного ответа.

– Всё, время не ждёт!

Она едва успевает перебирать ногами, Ник ее буквально тащит. А Марк так и остался стоять на месте, удовлетворившись ее невнятным: «Ах, да, урок... Я и забыла». И кто Марк

после этого? Не мужик точно! Один размазня, другой звероящер! Вот за что ей это?

– Ты мне так руку выдернешь!

– Извини. – Он не разжимает ладонь. – А мы и пришли, собственно.

– Куда?

– К машине.

И тут она начинает хохотать. До слёз. Нервное напряжение отпускает, наверное. И, несмотря на возмутительное неандертальское поведение Кольки, отчего-то вдруг становится легко и хорошо. Она не хотела этого, не хотела. А он пришёл и спас ее. Принц Звероящер на красном Daewoo Matiz. Люба снова, едва успокоившись, начинает уже сдавленно хихикать.

– Чего ты ржёшь? – Тон у него вроде бы как обиженный, а глаза улыбаются.

– Ой, спасибо-о... насмеши-ил... – Она аккуратно убирает выступившие в уголках глаз слезы. – У тебя ноги из-под днища не торчат? Чем ты думал, когда такую машину выбирал?

– Она не моя. Варькина. Хотя, вообще-то, нам родители одну на двоих машину обещали купить. – Он пикинул сигналкой. – А потом... В общем, на тот момент, когда они собрались машину брать, я лежал в больнице под капельницей. И Варвар выбрала, как обычно... лучший вариант для нас обоих. «Коля, ну ты же знаешь – я боюсь больших машин!» –

весьма удачно передразнил он сестру. – А то, что я в маленькие не влезаю, об этом она не подумала. А отец сказал, что это мои проблемы, что у меня есть мотоцикл, а гараж не резиновый, и вообще... В общем, вот такая история с этой машиной, – невесело заключил он.

Люба вдруг перестала смеяться. Кое-что в его словах зацепило ее, и конкретно.

– Под капельницей? А... зачем? Почему? В смысле, я не знала, что у тебя что-то серьёзное было со здоровьем.

– Да так, ерунда, – отмахнулся он. – Садись в машину.

– Нет.

– Люба...

– Ты первый. – Она демонстративно убрала руки в карманы шубки. – Хочу посмотреть на это шоу.

Ник не выдержал и улыбнулся.

– Твоё право. Если верить Варьке, – тут он вздохнул, – это действительно смешно.

Садился он в машину спиной вперёд. Потом наклонил голову, и лишь затем втянул в машину свои длинные ноги.

– Эй, шеф, – Люба наклонилась, заглядывая в машину. – А там для пассажира вообще-то место еще есть?

– Садись, давай, – усмехнулся Ник. – Счётчик включён.

– Ну, и куда мы едем?

– Ко мне домой.

– Чай пить? – съехидничала она.

– Вроде того.

– Слушай, ты, инструктор... по рукопашному бою! Ты, между прочим, сорвал мне свидание! С моим постоянным молодым человеком!

– Угу. С постоянным молодым человеком. Странные у вас отношения, скажу я тебе. Учитывая... хм... ряд обстоятельств.

– Не твое дело! Между прочим, мы планировали сегодня... – Тут она краснеет, понимая, что сказала явно лишнее.

– А до сегодняшнего дня вы что... не?

– Самойлов!

– У вас было что-то или нет?

– А с чего ты взял, что у тебя есть право задавать мне такие вопросы? – Она снова заводится. Какие-то американские горки с настроением в последние полчаса – то злость, то смех.

– Нет у меня такого права, – ровно соглашается Ник, не отрывая взгляд от дороги. – Так было или не было?

Она молчит какое-то время. А потом почти прошептала:

– Нет. Не было. После тебя никого не было. И вообще – не было...

Он отвернулся к окошку – сдержать довольную улыбку невозможно.

– Но учти! Это еще ничего не значит! И не мечтай – я не собираюсь больше... потакать твоим капризам! Если ты

думаешь, что тебе стоит только щёлкнуть пальцами и я тут же...

– Тут же что?

– Тут же брошусь к тебе в постель! И не рассчитывай! И вообще... – У нее внезапно заканчиваются слова.

– Зачем ты тогда со мной едешь?

Вопрос кажется настолько неприкрыто издевательским, что Люба задохнулась от возмущения.

– Знаешь, что?! Не знаю, что ты там себе вообразил, но ты мне противен! Я не хочу тебя, понял? Останови машину! Немедленно!

Удивительно, но малолитражка тут же резко принимает вправо, прижимается к обочине. Но открыть дверцу Люба не успевает – он обхватывает ее лицо, а губами запечатывает рот. Вот и продолжай дискуссию в таком невыгодном положении!

Она попыталась отпихнуть его, вырваться. Но он держал ее, словно в тисках. Соппротивление было сломлено и спустя минуту салон огласил первый тихий стон. Делай это, да, вот так! Ты знаешь, как мне нравится...

– А теперь... – Он все-таки оторвался от ее губ, но дыхание тяжёлое. – Скажи еще разок... – Он буквально рычит. – Скажи, что я тебе противен и ты меня не хочешь!

– Скотина!

– А ты-то как меня бесишь!

– Звероящер!

– Стерва!

Красная малолитражка резко, с пробуксовкой колёс, трогается с места, вливаясь в поток машин.

Щёлкнул замок. Дверь распахнулась. Они вошли в квартиру. Николай зажёл свет в прихожей, помог Любе снять шубку.

Она нарушила затянувшееся молчание:

– Кем ты меня считаешь? Своей личной игрушкой? Ты полагаешь, что если ты... ты стал у меня первым, то теперь я обязана быть только с тобой, исполнять твои прихоти? Разве ты имеешь право так вот врыватья в мою жизнь, хватать и тащить куда-то, лишь потому, что тебе... тебе приспичило? Я только этого достойна в твоих глазах? Знаешь, я такого от тебя не ожидала. Если бы я знала, что ты будешь так со мной обращаться, я бы никогда... Не думала я, что всё выйдет именно так! – Она выпалила это зло, на нерве, заводя себя, но отчего-то не вышло выдержать этот тон и последние слова прозвучали горько и обиженно.

Ник не знает, что сказать, стоит, словно нашкодивший школьник перед распекавшей его учительницей.

Люба тоже молчит. Молчание затянулось. И тут Николай прижимает ее к себе и шепчет на ушко:

– Нет. Всё не так, как ты говоришь.

– А как?

– Вот так...

Первый нежный поцелуй приходится в висок. А потом в щёки, закрытые глаза, кончик носа и, наконец-то, в губы. Нежно и томительно неторопливо. Он шепчет между поцелуями, как наговор, как заклинание: «Вот так... Вот так...» Вот так. И сопротивляться этой магии совершенно невозможно.

* * *

Он выложился на двести процентов. Прислушиваясь к каждому ее вздоху. Не сводя взгляда с лица. Замечая малейшую дрожь тела. Не позволяя себе, думая лишь о ней, только о ней. И отпустил себя ровно тогда, когда почувствовал, какая она мягкая и расслабленная в его руках. И не только в руках – там, где соединились их тела, она тоже перестала болезненно сжиматься, доверившись ему. И нет и следа слез на лице, и ее бедра так мягко подаются ему навстречу. Вот тогда он себя отпустил. Воздержание длиной в несколько месяцев, их с Любой два предыдущих раза, во время которых он только заводился как сумасшедший вхолостую... В общем, оргазм его накрыл как хорошая волна: ослепил и оглушил. Таких ярких и сильных ощущений он и припомнить не смог – потом, когда способность соображать вернулась. А сначала просто лежал рядом и дышал, как выброшенная на берег рыба. Было нереально хорошо, и в тот момент ничего не хотелось. Вообще. Но потом он всё же собрался с мыслями.

– Ты как?

– Нормально. – Она ответила ровно, глядя в потолок.

– Нормально и... – Ник поворачивается всем телом к ней, подперев голову рукой.

– И не больно. – Всё тот же взгляд в потолок.

– Не больно – и всё?

– Ну... – Она склоняет голову набок, прижимаясь к плечу щекой, будто с этой точки ракурс лучше. – В конце стало даже... немного приятно.

– Капец. – Он со стоном откидывается обратно на подушку. – Вот сейчас у меня образуется комплекс неполноценности размером с Гренландию!

– Почему?

Он все-таки умудрился оторвать ее от созерцания потолка.

– Потому что это самый большой в мире остров!

– Молодец! Садись, пять тебе по географии. А комплекс неполноценности-то тебе зачем?

– И без него бы прекрасно обошёлся.

– Ну и?..

– Я лежу в постели с самой красивой девушкой, которую только видел в своей жизни. У нас только что был секс. И единственное, что она почувствовала со мной – это «в конце стало немного приятно». Кто я после этого? Лужер!

– Ну, извини, – невесело усмехается Люба. – Что ж делать... если я такая... невосприимчивая. Фригидная, види-

мо, – блеснула она познаниями. – Не зря же до таких лет...
хм... в девках засиделась.

– Люб, ты несёшь бред.

– Угу. А ты с Гренландией – образец адекватности.

Она снова переключает внимание на потолок.

Похоже, выбор у него очень простой. Или смириться с этим взглядом в потолок и «невосприимчивостью». Или попытаться шугануть своих тараканов. Ник вздохнул. Нет ничего труднее, чем бороться с собственными комплексами. Живучи, сволочи.

Глава седьмая, посвящённая обоюдному сеансу психотерапии и его последствиям

Нет, он мог, в принципе. Когда опаздывал утром, мог за Варькой допить кофе из ее кружки. Или промокнуть лицо полотенцем, которым недавно пользовался после бритья отец. И даже особых неприятных ощущений не испытывал. Ведь это все-таки свои люди. Семья. Но в целом одного непреложного факта это не отменяло. Ник Самойлов был довольно брезглив. «Патологически брезглив», – утверждал отец. «Он просто очень чистоплотный мальчик», – так пыталась оправдать его мать. Они оба были правы. Ник действительно очень щепетильно относился к вопросу гигиены. В первую очередь, своей собственной. А что касается других... Он и в самом деле брезглив, что уж тут поделаешь. Причём на работе это никак не сказывалось. Во-первых, там строгие санитарные нормы. А во-вторых... Это же дети, и они имеют право, и они, в конце концов, болеют, и именно поэтому... С взрослыми всё обстояло иначе.

Такая классная штука, как секс, заставила его пересмотреть свои гигиенические требования к другим. Пришлось, потому что секс – слишком хорошая вещь, чтобы отказываться от нее из-за каких-то внутренних заморочек. Но неко-

торые табу у него укоренились под черепной коробкой прочно. Ему нравились поцелуи. Ему нравилась женская грудь – он вообще в девушках больше всего ценил именно красивую грудь и с удовольствием отдавал ей должное, если она того стоила – руками и даже губами и языком. Но к области женских... как он сам тогда сказал Любе, «хм... гениталий» он предпочитал прикасаться исключительно предназначенной для этого частью собственного тела. Непременно облачённой в средство защиты. Только так. Глубокий петтинг и оральный секс были его персональными табу. Он просто не мог. Знал это точно – что не сможет прикоснуться к другому человеку... к девушке... там. Ртом. Губами, языком – точно не сможет. Потому что он патологический, видимо, отец прав. Впрочем, ради справедливости стоит сказать, что сам он с удовольствием отдавался в умелые и ласковые женские руки и губы. Не настаивал, но если партнёрша хочет, то почему нет? Но сам... Нет. Нет. Нет! Намёки игнорировал, на прямые просьбы отвечал решительным отказом. Обычно особых обид и недопонимания это не вызывало. А вот сейчас... сейчас, похоже, он просто обязан сделать это.

– Ник, у тебя такое выражение лица... Ты теорему Ферма в уме решаешь? Или просто в туалет хочешь, но стесняешься сказать?

– Я не из стеснительных, – буркнул он. – И в туалет не хочу.

– А что тогда?

– Поцеловать тебя хочу.

– Слушай... – начала она нерешительно. – Я больше не хочу. Сегодня. Правда. Не принимай на свой счёт, но...

– Помолчи, а? Пожалуйста... – Он легко прихватил зубами ее нижнюю губу. – Помолчи.

Он собирался с духом долго. Потом вдруг вспомнил, что уже трогал ее там. В первый раз. Но тогда он просто обязан был... хоть как-то ее подготовить. Растянуть. И сделал это, даже не раздумывая. Ник вздрогнул от этого воспоминания. А ведь неприятно не было! Совсем. Даже, скорее, наоборот.

Его рука двинулась от груди, которую он только что с искренним удовольствием ласкал под аккомпанемент ее стонов, вниз по животу. Пальцы замерли все-таки, у самого начала тонкой полоски волос. Но потом... он всё же решился.

– Ник, не надо. – Голос у Любы жалобный. – Пожалуйста, не надо...

Нет, мало того, что ему приходится с собой бороться, так и она ему еще сопротивляется!

– Пожалуйста. – Он вернул Любе ее же слово. Нажал пальцами чуть сильнее. – Пожалуйста.

Она совсем жалобно всхлипнула. И впустила его.

Узкая линия коротко подстриженных волос, наверное тёмных – он не смотрел. Гладкая кожа по обе стороны от нее. А потом – только гладкая кожа. Влажная, тёплая. Люба еще раз всхлипнула и попробовала свести ноги, но он уже не позволил. Чёрта с два! Раз он зашёл так далеко. Во всех

смыслах. И зайдёт еще дальше. Обязан. Отступить уже, пропади всё пропадом, поздно!

В голове вдруг всплыли лекции по гинекологии на пятом курсе, на которых они ржали как идиоты и подкалывали девчонок-сокурсниц. Даже картинки соответствующие всплыли перед глазами. И названия. Латинские, по какому-то капризу памяти! Вот это *labia majora pudendi*. Двинул дальше пальцами... потом должны быть *labia minora pudendi*. Оказывается, не так уж и страшно. Особенно если воспринимать это как учебное пособие по анатомии женского тела. И в Любиной чистоплотности он отчего-то не сомневался. И еще странным образом помогало осознание того факта, что до него никто там не... что только он там... что это только для него и... Мысли стали путаться, он еще чуть-чуть шевельнул пальцами, Люба вздрогнула и...

Это всё оказалось чистым враньём и не имеющими под собой никаких оснований мужскими байками. Что клитор найти трудно. Чего там искать? Вот же он – невозможно не заметить упругую влажную выпуклость под пальцами, как раз там, где и положено быть. Не думая толком, что делает, он погладил тихонько, и тут Люба совсем громко всхлипнула, изогнулась и выдохнула: «Да-а-а...» Именно в этот момент у него начисто вымело из головы всю латынь вместе с анатомическими пособиями. И заодно сорвало крышу.

Единственным его пособием стали ее стоны и всхлипы, перемежающиеся редкими словами: протяжное «да-а»,

хриплое «вот так», требовательное «сильнее!». И лёгкие движения бёдрами навстречу его руке. И ее тонкие пальцы, сминающие простыню. Закрытые глаза, прикушенная нижняя губа, бисеринки пота над верхней. Редкие судороги, искажающие лицо. В какой-то момент он вдруг понял, что ему всего этого катастрофически мало. И сделал то, на что, как он полагал, неспособен – физически и психологически. Сделал это совершенно добровольно, легко. И с огромным удовольствием.

Ее пальцы переместились на его затылок, его – на ее соски, чуть сжав. А дальше... дальше всё случилось так быстро, что он не сразу осознал, что произошло с Любой. И что он явился причиной этому.

Она вздрагивала долго, всё никак не могла успокоиться. А он лежал, прижимаясь щекой к ее животу – ошарашенный, опустошённый, не верящий еще до конца в произошедшее. Ни капли не жалеющий о том, что сделал. И осознавший вдруг, что только что у него было самое яркое сексуальное переживание – после собственной потери невинности, наверное. Да он, в каком-то смысле, еще раз сейчас лишился невинности. И это было круто. Это было просто офигенно!

– Люб... – Он наконец-то подтянулся к ней навверх, попутно совершенно с другим чувством оглядев ее тело. С чувством триумфатора и хозяина. – Ты... тебе же было хорошо, да?

Теперь она смотрит в стену. Да что ж за наваждение-то

такое! Чувство триумфа как-то поблекло.

– Да, – тихо сказала она, не поворачивая к нему лица.

– Ты... – Он упрямо хочет услышать это от нее! Имеет право! Заработал. Да просто хочет, чтобы она это сказала. – Ты кончила?

– А что, так непонятно?

– Ну...

– Я должна обязательно это сказать?

Он начинает раздражаться. Что, это только для него, после всех его страхов и борьбы с собственными тараканами, все было ТАК? Только у него крышу сорвало?

– Я бы хотел услышать. Между прочим, я делал это первый раз в жизни! И... Например, я, когда делаю какую-то операцию в первый раз, вместе с Владимиром Алексеевичем... Вот, недавно делали – фундопликацию по Ниссену... Так он мне обязательно разбор устраивает – что так, что не так, на что обратить внимание. Вот.

У нее начинают дрожать плечи.

– Разбор, значит, нужен... Скажи мне, Ник... – Она там, похоже, давится от смеха. – Врачи все такие потешные в постели? Или это ты один такой уникам?

– Понятия не имею, – отвечает он совсем обиженно.

А она, всё еще посмеиваясь, наконец-то поворачивается к нему. Улыбающаяся, с румянцем на щеках, с прилипшей ко лбу темной прядочкой. Невероятно красивая. И вдруг порывисто прижимается к нему всем телом, прячет лицо ему в

шею и сбивчивым шёпотом на ухо:

– Очень, Ник. Очень хорошо было. Никогда так... Тоже в первый раз и... Спасибо.

От ее слов в груди становится тепло, даже горячо. Так, будто там распустилось маленькое персональное солнце. Он поворачивает голову, чтобы найти губами изящное ушко.

– Еще позволишь мне... так?

– Да, – отвечает она всё так же тихо, смущённо, но уверенно. – Только не сейчас, наверное. Хорошо?

– Хорошо. А можно, я сам тогда еще раз?..

Вместо ответа Люба целует его в шею и плотнее прижимается бёдрами. Боже мой... Черт побери... Как же с ней офигенно!

* * *

Часам к восьми вечера следующего дня до него наконец-то дошло, что она ему не позвонит сама. Мало ли что он тоже привык, что обычно ему первому перезванивали. А не перезвонили – ну так и не больно надо. Но это же Люба Соловьёва! Хрен она позвонит сама первая. А ему хотелось слышать ее. И видеть. И просто – хотелось. Весь день одёргивал себя, заставляя сосредоточиться на работе.

Еще два часа он обламывал собственную гордость. А потом не выдержал и позвонил. Занято. Через пару минут – снова занято. Через пять минут – всё еще короткие гудки. С

кем можно столько трепаться по телефону? Она взяла трубку только ближе к одиннадцати.

– Привет.

– С кем так долго по телефону разговаривала?

Люба не торопилась с ответом. Он чертыхнулся про себя.

– С Марком, – наконец-то соизволила ответить она.

– Ну и как? Наворковалась? – Да что он несёт? Но остановиться не может – что-то вдруг стало остро жечь внутри.

– На х*р посылала.

Теперь замолчал он. Если Люба... Люба!.. С ее литературным образованием и редакторской должностью позволяет себе так выражаться... Он, конечно, рад это слышать, что уж перед собой-то притворяться, но, похоже, этот урод ее достал.

– Чего так долго? С первого раза не понял?

– Угу. И со второго.

– Бедняжка.

– Марк?

– Ты!

Она мягко рассмеялась. Он улыбнулся, устраивая удобнее голову на подушке.

– Ну, если что – я тебя в этом решении всецело одобряю и поддерживаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.